

ФЕВРАЛЬ 20 ВОСКРЕСЕНЬЕ 1938 год № 10 (717) Цена 30 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Могучая, непобедимая

Чудесные дни переживаем мы сейчас, товарищи! Нашей родной Рабоче-Крестьянской Красной Армии, нашему Военно-Морскому Флоту 23 февраля исполняется двадцать лет, и мы все, весь народ — и те, кто воевал вчера, и те, кто будет воевать завтра, — снова с волнующей ясностью ощущаем, как близко, как кровно, как неразрывно спаяны в одну братскую семью люди труда и люди оружия.

Мы любим нашу Красную Армию. Мы любим ее потому, что она — детище нашей партии и нашего народа. Мы любим ее потому, что любим родину, ее волю и славу. Пусть сунется враг, и он узнает всю меру нашей любви к родине, всю силу нашей дружбы с Красной Армией!

Эту армию создала великая партия большевиков. Несгибаемая, не знающая поражения партия Ленина—Сталина вывела из Красной Армии могучую и непобедимую силу. Ленин и Сталин научили ее мастерству побед. И победа навеки стала ее боевой традицией.

Она создавалась, наша доблестная Красная Армия, в огне гражданской войны. В жестоких боях с иномышными полчищами и белогавардейскими бандами строились, формировались и закалялись железные красноармейские батальоны. Под дьявольски-ожесточенным огнем врага овладевали техникой боя красивые герои, — и падали перед ними ниц неприспущенные крепости, беспомощными оказывались вражьи танки, и провостынные заграждения, мины, валы и укрепления не смогли укрыть врагов нашей независимости от полуго и сокрушительного разгрома.

В боях, слава о которых никогда не померкнет, на вьюжных просторах Сибири, в черных, грозных водах Балтики, в привольных степях Украины, на Черном море, на Чонгарском мосту, у неприступного Перекопского вала, в далеком Приморье (славные имена, они звучат, как песни!) вечной, неуязвимой славой покрылось наше оружие. Полугодные, полураздетые, но вдохновенные большевистской волей к победе, воодушевленные своими командирами и военными комиссарами, полки красноармейцев и экипажи краснофлотцев наголову разгромили полчища четырнадцати государств-захватчиков и банды белогавардейских генералов и навсегда вышвырнули их прочь с советской земли.

И надменные немецкие генералы, воскресшие печальные традиции «пов-рыпарей», и асовельможные паны — ценные собаки, подстрекаемые своими хозяевами, и жадные до чужого добра японские самураи, и все эти Деникины, Колчаки, Врангели — все они оказались битыми, всех их смела и вышвырнула в море не знающая поражений Красная Армия рабочих и крестьян.

Потому что непобедим народ, защищающий свою родину и свое счастье. Потому что сплелся в едином порыве, в единой священной ненависти к врагам народы нашей необъятной родины и кровью своей осыпавшие несокрушимый военный союз рабочих и крестьян всех национальностей. Потому что несла Красная Армия на своих плечах освобождение угнетенным народам от их вековых поработителей. Потому что дело, которое кровью своей отстаивали красивые герои, было делом всего трудящегося человечества. Потому что — и это главное — организатором побед Красной Армии была коммунистическая партия, возглавляемая великими стратегами Пролетарской революции Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным.

На самые ответственные фронты, туда, где рехалось быть или не быть власти Советов, туда, где стояла на карте судьба войны и революции, Ленин и партия неизменно направляли Сталина.

Так было и в Царицыне, который Сталин превратил в «Красный Верден». Так было и на Восточном фронте, где Сталин, преодолев бешеное сопротивление врагов и паникеров, создал перелом и победу. Так было и на Петроградском фронте, где Сталин, «опрокинув морскую науку», организовал победоносное наступление с моря и с суши на изменнические гарнизоны фортов «Красная Горка» и «Серая лошадь». Так было и на Южном фронте, где Сталин, отвергнув предательский, вредительский план Троцкого, выдвинул и осуществил свой гениальный план разгрома денкинских орд. Так было везде, на всех фронтах, всюду, где революция угрожала опасности.

И имя Сталина, появившегося на фронте, уже означало победу. Оно вдохновляло бойцов и командиров, измученных, воодушевляло, оробешивших — подбуждало, растерявшихся — сплачивало, и все вело на бой. С именем Ленина и Сталина в сердцах шли на бой и на победу железные батальоны красных бойцов. И в первых рядах их неизменно шли большевики.

Большевики. Они были в первых рядах атакующих красноармейских частей. Они личным примером учили бойцов, как нужно драться, как нужно умирать и как следует побеждать. Военные комиссары, посланцы большевистской партии, были боевыми политическими руководителями Красной Армии. Они воспитывали в бойцах и командирах революционный дух, мужество и дисциплину. Они разоблачали врагов, предателей, шпионов, вражеских лазутчиков, провавшихся в наши ряды, беспощадно боролись с паникерами, с трусами, с мелкими душонками, сдрейфовавшими в грозный час.

С спокойной гордостью оглядываемся мы сейчас на славный, двадцатилетний путь нашей Красной Армии, нашего Красного Флота. Советский народ может гордиться своей армией: ее любят все, кто любит мир, ее боятся все, кто хочет войны.

Она сильна, наша доблестная Красная Армия, и своей замечательной боевой техникой и своими замечательными людьми. Она сильна высокой политической сознательностью своих командиров, комиссаров и бойцов, их беспримерной преданностью родине, великой партии Ленина—Сталина, вождю народов товарищу Сталину. Она сильна искусством своих бесстрашных летчиков, неутомимых пехотинцев, метких артиллеристов, умных танкистов, лихих конников, отважных моряков. Она сильна своей нерушимой дружбой с советским народом. Она держит на железном замке рубежи нашей родины. Она стойко стоит на страже мира во всем мире.

Нет более высокого звания в нашей стране, чем звание бойца за мир и счастье родины. Нет более почетной службы народу, чем служба и работа во имя укрепления нашей оборонной мощи.

Товарищи писатели! Будем же исполнять свой долг бойцов еще лучше, мужественнее и активнее, чем раньше.

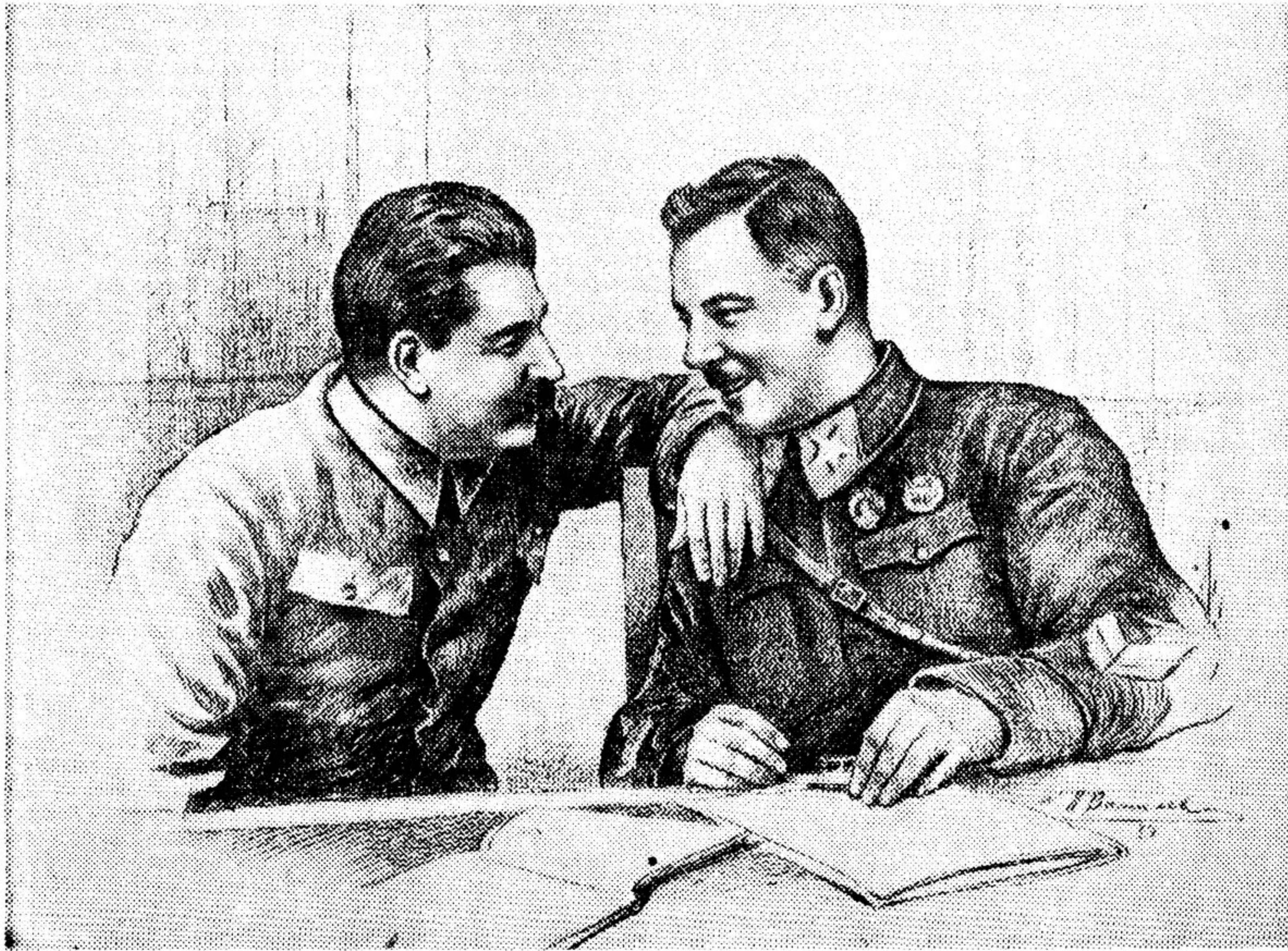
А если стертанники, злобой полны, посмеют нарушить границы страны, — грудью станем на защиту нашей горючей любимой родины. И несей, и оружием, и метким словом, и метким выстрелом, и мужественной книгой, и мужественной службой в рядах непобедимой Красной Армии, — советские писатели выполнят свой долг.

Приветствие Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР тов. Емельяну Ярославскому

В день Вашего шестидесятилетия Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР шлют Вам — старому большевику из гвардии Ленина, преданному работнику нашей партии, активному борцу за дело рабочего класса и крестьянства — горячий привет.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР желают Вам многих лет плодотворной работы на пользу партии и социалистической родины.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б). СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР.

Товарищи И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов

Рисунок художника П. Васильева.

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Родина храбрых

Могучая наша родина, владения которой широко празднуют в материках Европы и Азии, готовится праздновать замечательную годовщину Красной Армии и Флота. Великая наша страна гордится армией и флотом, одетой и обутой, технически оснащенной и вооруженной на кровные народные деньги братских народов Советского Союза.

Русский народ имеет богатую военную историю. Мне хочется сегодня вернуться к одной из тех страниц русской военной истории, о которой постоянно с удовольствием вспоминают некие наши соседи — самураи.

Беспристрастные историки всего мира давно проанализировали причины Пусемского разгрома. Теперь уже каждому известно, что в этом бою в далеких водах Тихого океана потерпел поражение отряд не русский народ, а гнусный парский режим с его бездарными адмиралами, технической отсталостью и неорганизованностью. Пусть самураи не кичатся своей победой над эскадрой, которая была вдвое слабее японской, — мы можем напомнить им некоторые эпизоды этого морского сражения, где русские матросы и отдельные офицеры показали, к какому народу они имеют честь принадлежать.

23 июля 1904 года броненосец «Цесаревич», имея на борту убитого адмирала Виттерта, поврежденный снарядом, застрял на одном месте. Находящийся рядом с ним броненосец «Ретивизан» под командой капитана 1 ранга Шенсновича, видя свою неминуемую гибель, один ринулся на японскую эскадру, чтобы взять ее на таран. Нервы хваставшихся своей храбростью японских адмиралов не выдержали — вся японская эскадра поспешно бежала от одного русского корабля.

Броненосец «Ушаков», имевший малый ход, отстал от эскадры и в одиночестве шел на север. На него набросились два японских крейсера «Ивате» и «Якумо». «Ивате» поднял сигнал: «Совету сдаться. Ваш флагман сдался». В этот момент «Ушаков» под командой Миклуха Малдыя, вступив в бой с превосходящими в пять раз силами японцев, открыл огонь из всех орудий, пошел на дно, но не сдался.

На русский крейсер «Донской» бросились японские крейсера «Отва», «Найтана», «Нанива», «Токачихон», «Акаси» и «Цусима» под командованием адмирала Уруи. «Донской» отказался принять удар. Вся его палуба была залита кровью. Командир Лебедев держал ручку штурвала, имея сквозную рану в бедре с переломом кости и ранения всего тела осколками снаряда. Рвалося железо, по судну полыхал огонь. Весь избитый, с креном, с просачивающейся в трюмы водой и развороченными трубами, крейсер, героически отбиваясь от врага, снял команду и потопил себя.

Японский вспомогательный крейсер «Садо Мару» и миноносец «Сирани» вступили в бой с миноносцем «Громкий». На помощь к японцам поспешили еще два миноносца. На «Громком», имевшем 74 человека экипажа, было уже убито и тяжело ранено 48 человек — 5 офицеров и 43 матроса. Нанеся серьезные повреждения двум японским судам, вытеснив мины, расстреляв все патроны, избитый, окруженный русской миноносцем открыл кингстоны, предпочтя смерть сдаче врагу.

Захваченный в плен в Порт-Артуре миноносец «Стерегущий» японцы торжествующе поволокли на буксире. Два матроса, наугад запершись в трюме, открыли кингстоны. Вода, хлынув, прежде всего утопила двух отважных сынов русского народа — миноносцев пошел ко дну.

Об этих эпизодах почему-то упорно умалчивает обширная японская литература, посвященная хвастливому опознанию мнимых подвигов самураев во время русско-японской войны. В японской литературе мы не находим также ни слова и о том, как сибирские красные партизаны колями и дробовыми ружьями выжили из таежных деревьев пресловутых храбрецов-самураев. Вооруженные до зубов, снаряженные по последнему слову военной техники, «просвещенные спасители материка Азии» получили по зубам от дальневосточных рабочих и крестьян и были вышвырнуты вон из страны.

Сейчас, когда «благородные» самураи обрушили огонь и железо на слабый в военном отношении Китай, китайский народ, перелетая страницы военной истории народа храбрых — русского народа, переживает опыт нашей гражданской войны. Читая сообщения о партизанском движении, все шире и шире охватывающем города и деревни Китая, а как бы осязая сетью, которая все туже и туже затягивается на шею наглых захватчиков чужой территории. И предвижу, что уже участие фашистских самураев Дальнего Востока разделит их друзья по ремеслу из Испании, Италии и Германии, враги и душители народов.

Великий вождь угнетенных всего мира товарищ Сталин в своем выступлении перед избирателями с удивительной красотой и глубокой охарактеризовал бесмертные народы.

Да, народ бесмертен! Нет ничего, что могло бы противостоят его бессмертию. Нет силы, способной сломить мощь сплоченного народа и его отваги. И чем свободнее, счастливее народ — тем несокрушимее его мощь, тем непреодолимее его храбрость.

Сыны русского народа, когда их забривали в прошлом в солдаты, с проклятием уходили в армию и флот. С торж и унижением, распева «Последний вынешний денечек», прожвала русская деревня свои молодежь на парскую службу. Воспитываемый на мордобое, избитый, темный русский солдат, военный моряк и в японскую и в германскую войну под кнутом и нагайкой шел воевать за чужие интересы царских генералов, банкиров, фабрикантов. И в этой обстановке, на чужих, принадлежащих помещику, землях, на постылых морях, русский солдат и военный моряк, честный русский офицер, умирая, не ронял чести своего народа, показывая чудеса храбрости.

Как же будет теперь, в грядущих войнах, когда на сухопутные и морские рубежи великой самой свободной в мире социалистической страны посягнет фашизм? Что случится, если к счастливым колхозным полям народа, в заводах, построенных на народные деньги, протянет свою руку капитализм? Какой прием встретит у нас иностранные захватчики, если они вознамерятся подорвать наших матерей, жен и детей той же участи, которая пала на долю японской и китайской женщины на оккупированной фашизмом территории?

Нуждаются ли эти вопросы в ответе? Нужно ли говорить о том, что представляют собой наша Красная Армия и Флот, когда иностранные специалисты многих, далеко не дружественных нам держав, не скрывая своего удивления перед ее мощью и техническим оснащением.

Да, у нас не поют «Последнего вынешнего денечка». Колхозная деревня, отправляя цвет своей молодежи в армию, поет песни о счастливой и зажиточной жизни. Старик Михеев едет к маршалу Советского Союза Блюхеру на Дальний Восток и просит, чтобы всех его четырех сыновей посадили на один михеевский танк. И маршал Блюхер тотчас исполняет просьбу Михеева. Все танкисты состоят из михеевых и все равно куда их пересаживать. Сам маршал Блюхер, тот самый, что вышвырнул самураев из Дальневосточной тайги, служит трудовому михеевскому народу.

Да, в нашей армии и флоте нет темного забитого солдата и военного моряка. На броненосце «Орел», где я отбыл службу, на 900 человек команды был один пишущий человек, — я. На таком корабле, как «Октябрьская революция», среди грамотной культурной команды в 1937 году я насчитал более 200 пишущих в десятки стеногаек, не считая печатной многотиражники.

Советский боец, краснофлотец и командир — образец великого культурного человека, выращенного и воспитанного на благородных ленинско-сталинских принципах самого передового человечества.

Советская страна не ждет средств для укрепления мощи своей Красной Армии. Страна отдает ей лучших своих сынов, начиная от первого маршала Советского Союза Ворошилова и кончая танкистами братьями Михеевыми. За силой мощной, несокрушимой Красной Армией стоит 170-миллионный народ, готовый встать под ружье при первом сигнале тревоги, народ, умеющий умирать, но не сдаваться. Такой народ нещадно беден.

ПАПАНИНУ, ШИРШОВУ, КРЕНКЕЛЮ, ФЕДОРОВУ.

Поздравляем вас с успешным выполнением ответственного задания.

Вся наша страна гордится вашей героической работой.

Ждем вашего возвращения в Москву.

Братский привет!

- И. СТАЛИН, В. МОЛОТОВ, К. ВОРОШИЛОВ, Л. КАГАНОВИЧ, М. КАЛИНИН, А. МИКОЯН, В. ЧУБАРЬ, А. АНДРЕЕВ, С. КОСИОР, А. ЖДАНОВ, Н. ЕЖОВ, Г. ПЕТРОВСКИЙ, Р. ЭЙХЕ, П. ХРУЩЕВ

ОСТАЛЬЦЕВУ, БАРСУКОВУ, КОТЦОВУ КОМАНДАМ «ТАЙМЫРА» И «МУРМАНА»

Примите нашу благодарность и благодарность всего советского народа за блестящее выполнение задачи по оказанию помощи славной экспедиции Папанина.

Гордимся вашей отважной и самоотверженной работой.

Братский привет!

- И. СТАЛИН, В. МОЛОТОВ, К. ВОРОШИЛОВ, Л. КАГАНОВИЧ, М. КАЛИНИН, А. МИКОЯН, В. ЧУБАРЬ, А. АНДРЕЕВ, С. КОСИОР, А. ЖДАНОВ, Н. ЕЖОВ, Г. ПЕТРОВСКИЙ, Р. ЭЙХЕ, П. ХРУЩЕВ

Товарищам СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, ВОРОШИЛОВУ, КАГАНОВИЧУ Л. М., КАЛИНИНУ, МИКОЯНУ, ЧУБАРЮ, АНДРЕЕВУ, КОСИОРУ, ЖДАНОВУ, ЕЖОВУ, ЛЕДОКОЛ «ЕРМАК» — ШМИДТУ

Безгранично счастливы рапортовать о выполнении порученного нам задания. От Северного полюса до 75° сев. широты мы провели полностью все намеченные исследования и собрали ценный научный материал по изучению дрейфа льда, гидрологии и метеорологии, сделали многочисленные гравитационные и магнитные измерения, выполнили биологические исследования.

С 1 февраля, когда на 74° наше поле разломилось на части, мы продолжали все

возможные в этих условиях наблюдения. Уверенно работали, ни минуты не беспокоились за свою судьбу, зная, что наша могучая родина, посылая своих сынов, никогда их не оставит. Горячая забота и внимание к нам Партия, Правительство, дорогие товарищи Сталина и всего советского народа непрерывно поддерживали нас и обеспечили успешное проведение всей работы. В этот час мы покидаем льдины на координатах 70° 54' северной, 19° 48' восточной и прой-

ли за 274 суток дрейфа свыше 2.500 километров. Наша радиостанция первая сообщила весть о завоевании Северного полюса, обеспечивая надежную связь с родиной и этой телеграммой заканчивает свою работу.

Красный флаг нашей страны продолжает развеваться над ледяными просторами.

ПАПАНИН, КРЕНКЕЛЬ, ШИРШОВ, ФЕДОРОВ. «Сев. полюс», 15 час. 55 мин.

ГЕРОИЧЕСКИЕ ПАПАНИНЦЫ НА БОРТУ «МУРМАНА» И «ТАЙМЫРА»

БОРТ «ТАЙМЫРА», 19 февраля, 18 часов 30 минут (Радио, Спецнорр, ТАСС). Ровно в 13 часов 30 минут ледоколы подошли к лагерю и остановились от него в полутора километрах. Восемьдесят человек с обеих кораблей пошли с флагами к лагерю. Папанинцы встретили нас также с флагами и с портретами товарища Сталина.

Под команду «Смирно!» руководитель экспедиции Остальцев отдал папанинцам рапорт:

— По распоряжению правительства корабль «Таймир» и «Мурман» прибыли в ваше распоряжение. Жду приказаний.

После короткого митинга и «ура» в честь товарища Сталина и героев-папанинцев мы немедленно приступили к свертыванию лагеря. Уже через полчаса от лагеря к «Таймыру» потянулись веревочный лед, осторожно несся на руках ценнейший груз — имущество полярной станции «Северный полюс».

В 17 часов 30 минут все имущество лагеря было доставлено на борт «Таймыра». Тут же на льдине была организована жеребьевка — кому из папанинцев на какой корабль садиться. Папанин и Кренкель вытаскивали жребий на «Мурман», Федоров и Ширшов — на «Таймир».

В 16 часов Кренкель отстучал ключом последнее радио — рапорт товарищу Сталину и нашему правительству.

Оба корабля взяли обратный курс к родным берегам, навстречу ледоколу «Ермак». Папанинцы сейчас принимают ванну.

Руководитель экспедиции на «Таймыре» — ОСТАЛЬЦЕВ

ЗАКРЫТИЕ СТАНЦИИ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС» ПРИКАЗ

по Главному Управлению Северного Морского Пути при СНК СССР г. Москва от 19 февраля 1938 г.

21 мая 1937 г. в 22 часа была открыта полярная научная станция на дрейфующей льдине у Северного полюса с личным составом:

- 1. Начальник станции т. Папанин И. Д. 2. Радиотехник т. Кренкель З. Т. 3. Гидролог т. Ширшов П. П. 4. Астроном-магнитолог т. Федоров Е. К. Пройдено 2.500 километров, станция «Северный полюс» достигла 70°54' северной широты и 19°48' западной долготы, закончив программу научных работ. 19 февраля с. г. личный состав, материалы наблюдений и имущество дрейфующей станции «Северный полюс» приняты на борт ледокольных пароходов «Таймир» и «Мурман».

Приветствуя отважных зимовщиков тт. Папанина, Кренкеля, Ширшова и Федорова и поздравляя их с выполнением исторического научного задания. Приказываю с 19 февраля с. г. 16 часов считать станцию «Северный полюс» закрытой и исключать ее из списка полярных станций Главсевморпути. Личный состав станции подает на борт ледокольных пароходов «Таймир» и «Мурман».

Наблюдения в эфире за сигналами радиостанции «УПОЛ» прекращать.

И. о. начальника Главсевморпути при СНК СССР Г. УШАКОВ.

Папанинцам

Станция «Северный полюс» закрыта! Четверка папанинцев на корабле! Друзей и героев своих знаменитых! Мы гордо встречаем на твердой земле.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ, ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ СТАНЦИИ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС»

В эти дни внимание всей советской страны, всего мира было приковано к небольшому участку Гренландского моря. Здесь отвага и самоотверженность советских людей побеждали в борьбе со стихией. С часу на час ждали вчерашнее в Москве сообщение о снятии героев-папанинцев со льдины. Ледом была получена следующая радиотелеграмма от капитана «Таймыра»:

«12 час. 30 м. Подошли к лагерю на расстоянии одного километра. Люди выслазаны для переноса вещей на корабль. БАРСУКОВ».

Позже капитан «Мурмана» сообщил: «В 13 час. 20 мин. пришли к льдине Папанина. Приступаем к с'емке людей. «Таймыр» подхолит ко мне».

«15 ч. 05 м. Выпустил партию в лагерь Папанина. В 13 ч. 30 м. партия пришла в лагерь. Ожидаю подхода «Таймыра», чтобы устроить торжественный митинг. КОТЦОВ».

Вечером в Москву пришла долгожданная весть с «Таймыра»:

«В 17 час. 30 мин. все имущество станции «Северный полюс» было погружено на «Таймыр». По жеребьевке Папанин и Кренкель — на «Мурмане», Федоров и Ширшов — на «Таймыре». Все имущество погружено на «Таймыр». В 19 час. выходим обратным курсом. Повернули домой. БАРСУКОВ».

Еще ранее, в 16 часов, Эрнст Кренкель передал последнюю радиотелеграмму со станции «Северный полюс»:

«Всем, всем, всем Заканчиваю свою работу. КРЕНКЕЛЬ».

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

Прорыв польского фронта войсками Первой Конной

1

Безвзвешен на плена медленно выходили на поляну, покидая везу шафрано-зеленые и мокрых дубов. Ветер чуть шевелил верхние ветви, которые отряхивали на высокую траву и остатки ковра большие капли потного дождя, нижние же ветви все еще блещали, напоенные влагой. Коня встряхивали головами, роняя тонкие звуки металла. Всадники — от командира до красноармейца — напряженно слушали рассказы безвзвешен. Много они встречали лохмотьев и горя, но эти тиковые тряпки одежды, забрызганные кровью убитых братьев, выпачканные бесполовскими сапогами, эти изможденные лица цвета охры, эти впадины глаз с брылями, как бы латунами, — все это кричало о страданиях непреодолимых, наполняло сердца воякинов мукой, способной, казалось, размазать сознание.

Худой, высокий, с рыжими мокрыми волосами, все еще отогнутой рукой плечу, которая несколько минут тому назад протрела мимо его глаз, торжественно кричал, как бы постав раская свой вояка: — Отправляй нас полки в тыл, товарищ командир! Погрузили в телушки! Били-били, будто мы — стадо, которое дверей не понимает. Привелись замки! Ну, я говорю мы тогда между собой... И он протянул вперед неумело заботливо загнутой рукой тряпку, но со своей стороны, широкосидящий, с лицом, покрытым застарелыми складками гора, перебил: — Решим мы: надо бежать, товарищ полковник. И он выложил, обшаривший воякином приняв в себя запах родных полей и родного вояки, окружавшего его. — Бежать! — Бежать респля, — подтвердил рыжий, и опять вымахнул рукой перед собой. — Сорвали мы доски у вагона, у полка, товарищ конюх, и на-тоду кинулись между колесами. Навоеда, так навоеда расставаться с Маланьей, а войну надо продолжать.

И рыжий еще выше поднял свою правую руку. Многие при прыжке получили удары, а ему покалечило пальцы. Приятель его, тот с обшарившим воякином, ампутировал пальцы осколком кося. Рыжий, выключив раская о бегстве, вывалил от имени всех, что они жалеть вступить добровольцами в Первую конную. — Коней нехватает, хлопцы, — сказал растраганным басом Буденный. — Придется поладить, пока коней у полка не отобьем. А твои как дамилы, забитованные? Тебе в лазарет. Забитованный, не веря, что нет коней для его стремления, кричал: — А лазарет-то не отравлю. Левой буду стрелять по белополькам, товарищ командир! Фамилия моя Петр Снегирев.

К Петру Снегиреву ползаяк Ворошилов. Рыжий садится на вымяющую и мизурную землю. Делом переживает его радую рыжий не обращая внимания на боль, убеждает Ворошилова дать его коня. Ворошилов расширяет его о товарищ, что из них умеем говорить. Нужны ли кони, когда же направиться в часть, рассказав о том, что происходит в тылу полка и почему необходимо Конармию быть там скорее. Та, кто не могут выступить полком, пусть толпой, пусть направятся в газету «Красный кавалерист» и расскажут там, что они видели, испытывали, как во дворе житомирской тюрьмы пленные красноармейцы едят о голода траву.

Длинные, словно навозные тени дубов зажимают поляну. Офицеры скачут в дивизии, развозя приказы Реввоенсовета. Приказ Буденного и Ворошилова помечен 30 мая. Первого июня, говорится категорически в приказе, Конармия должна захватить у белопольков район от станции Кавазин до Бердичева. Через Кавазин идет большая железная дорога на Киев, который занят Третьей польской армией под командованием самого Пилсудского. Нужно отрезать эту армью от ее тыла и снабжения, разгромить ее. Прорыв открывает Четырнадцатая дивизия под командованием А. Пархоменко и Четвертая — под командованием Ока Городовикова.

В 1 мая дождь не утихает. Всадники уже получили патроны. Артиллеристы осматривают оружие. Говорят, что полки ведут наступление на Шестую дивизию, которая скатывается в полосу, и полки идут в атаку. Появление полков прерывает воякином, как будто проволочка, которую ставят батареи — мысль не проследит необразованной! Покручивая уш, за стенами колючей проволоки, на окопах и вылом артиллерийской орудий солдат гордые польские паньи. Среди них командующий ударной группой генерал Савицкий. Среди них едет и генерал Каринский, тот самый, у которого еще в империалистическую войну служил рядовой Семен Буденный, тот самый генерал Каринский, который вел на помощь Корнилову полки свои на Петербург, которые развалил и разоружил рядовой тот же Семен Буденный.

2

Аметистовая мгла раннего утра покрывала поля и перелески. Небо опять замаяно низкими дождливыми тучами, некуда и польская неба ползет в темноте. Генерал Каринский лесами велет вперед свои кавалеристы. Они приближаются к дивизии Ока Городовикова. Сторожевые вояки дивизии умирают грудью о груди о поляки.

Вследом за тем, покрытые кошками, болотистое длинное поле видят перед собой налив 4. Солнце вышло, как в намершем фонаре. При бледном свете его видно, как по краю поля идет немая бесцельная польская пехота. Чтобы задержать пехоту, налив 4 направляет туда свои Вторую и Третью бригады. У него остаются только одна бригада. Равенный всадник скачет с вояками. Он сообщает, что кавалерия генерала Каринского близка. И точно — в конце поля налив 4 видит в бинокль скачущих всадников Городовиков стрелит бригаду и жлет атака Каринского Офицера скачет к Пархоменко. — Положение мое серьезное, — пишет Городовиков. — Види дивизию в мой район. Будем вместе бороться! И вдруг налив 4 видит с крайним изумлением, что дивизия генерала Каринского всей своей массой повернула на запад, туда, куда поехали встречать приближающуюся польскую пехоту Вторая и Третья бригады. Сердце у налив 4 холодеет. Он оглядывается. Дорога пустынная. В воздухе отражается высокая рожа Пархоменко и вдалеке слышны звуки выстрелов.

В просторной и светлой хате было тихо. Командиры стояли возле белой как-то особенно ярко блестящей печи. Тимошенко чертил что-то на печи, видимо, показывая, как шла его дивизия. Ворошилов курял у окна. Липо у него было взволнованное и сердитое. Буденный раскрыл окно, облокотился на подоконник, посмотрел, не сидит ли кто у окна, и повернул утомленное и

Вс. Иванов закончил повесть о легендарном герое гражданской войны, луганском рабочем, налив 4 тов. А. Пархоменко. Пархоменко вступил в партию большевиков в 1904 г., воспитанный товарищем его по заводу сасарем К. Е. Ворошиловым. Он проводит забастовки и борется с погромщиками. В 1905 г. он руководит восстанием крестьян. Затем тюрьмы, солдатчина. В 1917 г. он принимает активнейшее участие в февральской революции в Москве. Он возвращается в Луганск и берет под свое командование все вооруженные силы, которые имели тогда большевистская организация Луганска, организует красное казачество, создает отряды Красной Гвардии и вместе с К. Ворошиловым едет на фронт бороться против немцев. Затем он — участник знаменитой «ворошиловской колонны», похода через белоказачий Дон к Царицыну, несколько раз переходит казачий фронт, приходит из Царицына тов. Артема, видится там с тов. Сталиным, участвует в обо-

Высокий вороной конь, рассекая дужки и отбрасывая склонившуюся рожа, скачет к Городовикову. Громкий плечистый всадник, споспанный желтыми ремнями, держащими широкую саблю в серебряной оправе, кричит: — Что у тебя здесь, Ока? — Поляки, Пархоменко, — отвечает ему Городовиков и показывает биноклем вперед. — Решать им дорогу и души, — говорит Пархоменко. — Я поеду направо, а ты левее, Ока, налево. Еще встретится. А вот поляки пущай на небо встречаются. И он ведет свою Четырнадцатую на запад. Коня идут рысью. За пересеком слышны выстрелы. Начинается опять дождь. На огромном кочковатом лугу девять полков польской дивизии равноразличались по всем правилам сомкнутого строя. Полади полки, километра в трех, видны были еще всадники. Это Вторая и Третья бригады дивизии Городовикова. — Разрешите атаку, — подскочил командир Третьей бригады Румянов, бело-голубой с большими золотистыми глазами доносковой казак. — Обойди, — сказал Пархоменко. — Разрешите доложить, — продолжал, весь дрожа от жажды боя, Румянов. — Разрешите доложить, что 4-я дивизия опередит нас!

И пуская опережает, — сказал Пархоменко, — а пока мои броненки не прошли через лесок и не встали обокую полка, товарищ Румянов, пойдете в атаку Вторая бригада, а не Третья, а вы партизанщину не равняйте. На место! Вторая бригада стояла впереди, чуть выдвигаясь вперед, скакала прямо на нее. — Хорошо стоит, — сказал Пархоменко. — Как новость на свадьбе. Вот как-то встретитесь. Поляки атаковали бригаду стремительно. Бригада отступила, опустила клинки и повернула коней. — Третья! Румянова! — крикнул Пархоменко. Третья бригада рванулась с места. Впереди, бок-о-бок, скакали Румянов и Пархоменко. — Ты куда вперед командира бригады скачешь, — кричал испуганно Румянов. — Ты не хотел меня посылать! — Ты на меня после боя кричи, — спокойно, смеясь, отвечал ему Пархоменко. — Ты после боя гордишься, да и то не очень. Когда Третья бригада проскакала уже чуть ли не половину поля и когда за собою шагов можно было разглядеть широкие фуражки польских всадников, нарядные мундир офицеров, тут только все поняли, что Вторая бригада как будто нет. Она расцелась.

И отступают тоже хорошо, — сказал хохоча во все горло Пархоменко. — Вот уж я о них-то после боя поговорю. Он высоко поднял саблю и закричал мощным голосом, который покрыл топот шестидесяти полков, «виват» и «ура» тысяч полков. — Руби белопольков! И он обернулся. От его голоса остановилась бегущая Вторая бригада. Командир яростно бранился. Бригада устремилась к полю. — Нет, плохо отступают, — сказал Пархоменко и ударил саблей прямо в сердцу фуражки рядового и сытого польского офицера. — Нет, совсем плохо отступают, — сказал он, рубя нависшее второго офицера, который устремил на него длинный и тонкий палаш. Он оглядел поле схватки. Сбоку полков уничтожали бронемашины. С тыла их била Вторая бригада Шестой дивизии. С востока на них несся Городовиков. Поляки кучками скакали на север. Иерелка они оборачивались, и видны были их бледные испуганные лица. Некоторые бросали оружие, кое-кто уже поднимал руки. К вечеру вся долина реки Березанки была очищена от полков.

Пархоменко выстроил Вторую бригаду прямо на лугу. Войны стояли между кочек. Высокая болотная трава доходила почти до плеч. Но Пархоменко она могла хватить только до ступней. Угустым, несколько желтым туманом, сдвигая фуражку на затылок и обматывая потный и багровый лоб, он кричал: — Что же это, товарищи? Что же у нас, штаны такие хорошие, что вы их решили о аду показывать полякам? Или дождь торопится? Думаете, пожелал вас жадут? Дворовый нес вас и тот не подаетел, не говоря уже о наших семьях! Он выглянул на ближайшего бойца. Это был молодой парень, даже теперь после перенесенных усталостей и тревог, румяный и нежный парень. Брови его были приподняты, глаза широко раскрыты, и из глаз лились слезы. Они текли по щекам и падали в рот, который этот простой и нехитрый деревенский парень не мог закрыть от стыда и горя. Пархоменко провел глазами по рядам. У многих были такие же страдальческие и огорченные лица. Пархоменко сказал тихо: — И это правильно, надо стыдиться трудности. Не нам думать, что то дело революции, которое мы с вами делаем, следует за нас кто-то другой. Раз нас послала партия и советское правительство спасти родину, то больше всего, товарищи, мы должны стыдиться трудности. Все забудут — голод, холод, изнурение, страдания, но трудности никогда не забудут, потому что только благодаря им могут овладеть нами буржуа. Только благодаря им могут овладеть нами этот обман истории, даря ей заветный нам этот обман истории и гроб! Счастие с тем, кто на коне. Он указал на молоденького рыдающего бойца и сказал: — С тобой!

Ночь, почти на рассвете, Ворошилов и Буденный созидали советские наливов, во-енкомандиров и политработников. В просторной и светлой хате было тихо. Командиры стояли возле белой как-то особенно ярко блестящей печи. Тимошенко чертил что-то на печи, видимо, показывая, как шла его дивизия. Ворошилов курял у окна. Липо у него было взволнованное и сердитое. Буденный раскрыл окно, облокотился на подоконник, посмотрел, не сидит ли кто у окна, и повернул утомленное и

тоже недолгое лицо к Ворошилову: — Начнем? — Начнем, — ответил Ворошилов и бросил папироску за окно. Мучительное размышление, которым были охвачены все присутствующие в этой просторной и светлой хате, охватило и Пархоменко, как только он вошел. Командиры забегали взгляды Буденного, и вот почему толпились они у печи, не подходя к столу, по-крытому белой скатертью с красными вышивками по краям. Лампа «молия», поставленная на крышку, освещала стол и карту, которая свисала до полу. Ворошилов подошел к столу и положил палец на край карты. Буденный сидел на табуретке, положив саблю на колени. За спиной его видны были лицо Городовикова с узкими калмыцкими глазами и пронзительно-черными усами. — Докладывают налив и военкомандиры, — сказал Ворошилов, оглянув порядок дня. Начдивы, несколько горюпых, сообщили о потерях дивизии, о стойкости пехоты бело-польков, даже в и рукопашном бою действующей довольно сильно, о том, что пехота их употребляет много ручных бомб, что у них большие и мощные бронемашины, что окопы сильно укреплены. — Докладывают налив и военкомандиры, — сказал Ворошилов, оглянув порядок дня. Начдивы, несколько горюпых, сообщили о потерях дивизии, о стойкости пехоты бело-польков, даже в и рукопашном бою действующей довольно сильно, о том, что пехота их употребляет много ручных бомб, что у них большие и мощные бронемашины, что окопы сильно укреплены.

Ворошилов слушал спокойно, не убрывая палец с карты. Взгляд его опрережимо был недолгов и сухой. Пархоменко знал, почему недолюбливал Ворошилов и почему недолюбливал командира. И он знал, что и на-тоду, несмотря на то, что он действовал сегодня в тумане, все же обрушилась недолговость Реввоенсовета. И, зная все это, разглагольствуя присутствующим на собрании, он все же опущал, что рассказывал, которому он чувствовал сегодня и особенно остро воле хаты, когда засыпала отпущенная артиллерией пехота, радость эта не покидала его, а как медленно наполняющийся луг, поднимались все выше и сильнее. Пархоменко ждал, когда Ворошилов даст ему слово, и ему приятно было это ожидание. Тимошенко говорил о том, что «тактику ведения боя с противником нужно резко изменить: от степной войны Дона — Кубани надо переходить к такой войне, где учитывается мощь артиллерии полков, где пехота не боится кавалерии и где противник боится пехоты...» Буденный свернул на него глазами. «Снестишь хочешь дивизию?» — говорил этот взгляд. Тимошенко тоже свернул на него взглядом. «И спешу, если понадобится», — отвечал его взгляд.

Пархоменко слушал все это, смотрел, в голове его все время вертелась фраза: «И не так же будем побеждать». Эта фраза несколько не мешала ему ни думать, ни слушать, скорее всего, она напоминала тот мотыль, который высветывала незаметно птичка, освободившаяся от клетки. Фраза эта придавала какое-то радостное звучание всем его мыслям. А мысли у него были действительно хорошие и радостные. Он думал — как это замечательно и великомерно, что сейчас в украинской хате над картой будущей победы рассуждают руководители единственной в мире Конной армии: севастопольский герой, крестьянин Буденный, бывший инженер-полковник, калмык-пахучь Городовиков; крестьянин-пахарь Шаленко, Тимошенко, да и сам он, Пархоменко, тоже не в линее утиски! Скажи им всем какая-нибудь пытка три года тому назад, что они поведут Конную армию против армии, обученных и вооруженных французами, да и не только поведут, но и будут терпеть, — но и непременно совершат прорыв, как приказал товарищ Сталин! — и погонят полков о Укранин, — то редкий бы из них не улюбунулся добровольно и не рассмеялся бы: «Этак-то, бабушка, и мы умеем бороться!» Слово имеет налив Четырнадцатой, товарищ Пархоменко, — сказал Ворошилов. — Дивизия, товарищи, впервые сегодня пошла в бой, — начал свое сообщение Пархоменко. — Впервые против части Четырнадцатой кавалерийской действующей только польская кавалерия, и с удовлетворением отмечаю, что нам удалось сместить ее. Буденный тылом ладони провел по усам. Тогда Пархоменко пальцем толкнул свой ус вверх и продолжал: — Противник отступал перед дивизией без боя, но отступление это далось не зря. Стойкость пехоты, прихотливое ее подвиги, но дивизия быстро нашла свою стойкость, в особенности наша Третья бригада... И в памяти его мелькнула картина: мокрым болотистый луг, скачущие голопом всадники. Иерелка всадники обрабатывали свои лица, — и какие это испуганные жалкие лица! — Буденный прервал его: — Так-то так, товарищ Пархоменко, а ты вот пробьешь, почему противника мы терпели, а о борьба все же не создали? Или, может быть, нам действительно, — и он свернул глазами в сторону Тимошенко, — переметн сегодня же тактику? Или, быть может, части не получили приказа от 30 мая? — Не буду ссылаться на непростительные дожди и грязь, мешающие атаке, — сказал Пархоменко, прямо глядя в глаза командарма. — Скажу, что приказ командарма о ваятии Кавазина к 1 июня не выполнен... — Обойди, — сказал Буденный, подходя к столу. — Разница борьбы, товарищи, на денкинской фронте и на польском есть. Но нечего сваливать все на равнинах. Сегодняшний отпор, полученных нами от поляков, объясняется излившей горячностью бойцов и комиссаров и отсутствием большой и крепкой организованности. Гардовать, действительно, гардовали, кидаться в равные стороны — кидались. А сделать самое главное — напугать слабое место противника — не смогли! Четырнадцатая дивизия действительно погнала поляков. Но почему? Потому, что генерал Каринский во время боя получил приказание идти в другую сторону, к Ново-Хвостову. Разгром этой группы случайный, товарищ Пархоменко. Правда, разгром группы генерала Каринского снимает угрозу нашему флангу и тылу, но это мало. Александр Яковлевич. Он с собой положил большую и крепкую ладонь на карту и повторил: — Мало. Ворошилов говорил коротко, сухо, недолгов: — Отпор поляков кажется нам неожиданным. А неожиданным он нам кажется потому, что мы слишком самоуверены, не обратили серьезного, очень серьезного внимания на противника. Обращать же серьезное внимание на противника, — значит опрашивать его внимательно на себя.

Расторжился спор. Тимошенко настаивал на том, что комсостав должен немедленно и усиленно учить кавалерию действовать в лешем порядке. Ему возражали и Пархоменко и Городовиков, говоря, что спешенной кавалерией надо пользоваться только для демонстрации. Собрание разгорячилось. Говорили по-двое, по-трое. Один громко кричал, что мало подрывного имущества, другой — что не следует бояться оглохлости фланга... — Это ясно, — сказал вдруг громко Буденный, и все замолчали. — Это ясно, что польская армия дисциплинирована, что офицеры имеют опыт империалистической войны, что есть у них и бомбометы, и минометы, и трагические орудия, и связь у них — телефонная — доходит вплоть до застав, есть у них все, чего у нас нет. Это ясно! И дерется он планомерно и постепенно, и закрепляет окопами и проволочкой занятые районы, и между собой он связан, и с фронтом его нашей конницей ваять трудно, он даже короткие окопы способен выдергать. Очень трудно, это ясно! А все же товарищ Сталин приказал нам воевать в белопольков панку, и панку эту в не-мало надо воевать. Были героические схватки, верю! Но тылу мы белополька не были. Потеря у него в два-три раза больше наших. Но надо ему в сотню раз больше потерь! А для этого надо вести крепкую перестрелку и перед фронтом и по флангам, чтобы польские части растянулись в ниточку, не собирались по группам, а тут уже найдем слабое место, ударим и заставим пехоту встать во весь рост. Буденный подынял и прошелся по хате, крепко стуча каблуками. — Безохрана, если польская пехота, види нашу конницу, все же лежит и стреляет. Это значит, что она не боится нашей конницы! Он остановился перед Пархоменко: — Надо заставить пехоту подыгаться! И тут уже, товарищ Пархоменко, гнать — так гнать вплоть до тылу, потому что павика с тыла распространяется во много раз быстрее, чем с фронта. А мы его прожем, булте покойни, прожем и будем бить и вправо и влево, по всему польскому тылу. Он начал кулаки, выдохнул, набрав в грудь много воздуха. В хате было совсем тихо. «Молия» слегка зачала, черти сажею по верху лампового пузыря. Секретарь протянул было руку, чтобы убавить фитиль, как поднялся Ворошилов, и секретарь опять ухватился за короткий, обостренный с двух сторон карандаш.

И полагаю, что нам не следует отказываться от преимуществ действия кавалерии. Эти преимущества доковыны и не полякам их опровергать, как бы они ни обвинялись колючей проволокой, ли авторитарностью броненками и орудиями. Поэтому спешивание мы будем применять. Но применять, как вспомогательное средство. Дальше он развивал мысли о спешивании, о знании огневого боя, о танках, о конной артиллерии, об учете и запасе орудия и, заканчивая речь, сказал, пристально глядя в глаза наливам и командирам: — Наша боевая опытность, наша обязанность перед партией заставляют нас немедленно вынуждать товарищам бойцам, что организованного противника надо бить не массой, а организацией, что шапками никого не закидывай, и что храбрость бойцов нашей Конной армии, наводившей ужас на денкинскую пехоту и конницу, будет наводило в десять раз больше ужаса на поляков, если эта храбрость сияется организацией, и каждый боец, даже в отдельности действующий, будет понимать, что бить противника надо с той стороны, откуда он слабей, и бой заключается не в том, чтобы увидеть и броситься в атаку, а в том, чтобы увидевши противника, заставить его показать нам, подвеса под наш удар свою слабо защищенную часть фронта. Так нас учат бить и побеждать Ленин и Сталин. И так же мы должны учить других товарищей. Приказ о прорыве должен быть выполнен, несмотря ни на дожди, ни на сопровительные противника! Заседание окончено.

4

Дожди продолжались. По языкам ослепляемым дорогам обомы с трудом подвозили к полкам снаряды, консервы, овес. Лопалась обру, ломались ободья и оси, и тогда красноармейцы на себе вытаскивали телеги из грязи. Командиры торопили обомы скорей подвозить снаряды, пока поляки из-за дождя не могут провозить волеущую развалки. З явля Буденный казал новый приказ в котором требовал от Конармии немедленно и обязательно захватить район Кавазин — Бердичев. Ударная группа из трех дивизий обязывалась сосредоточиться на узком фронте в десяти километрах между местечком Самборок и деревней Снеговое. Выехав этой группы приказано было встать Четырнадцатой дивизии товарища Пархоменко. И Четырнадцатой дивизии и другие дивизии в дождь и сыпучий пль в леса на предначертанные позиции к местечку Самборок, расположенному о 50 километрах от Бердичева, на слиянии речек Десны и Десяны. И в Четырнадцатой и в других дивизиях были непрерывно митинги и ученья во все свободное время, которое оставалось от переходов. На еду и сон тратили в день не более четырех или пяти часов. Командиры и комиссары почти совсем не спали. Они охрипли от непростительных речей, в которых объясняли бойцам решения совета при Реввоенсовете. Митинги происходили и под открытым небом, под нависшими темными и обильным дождем, и в сараях, пустых от сена, которое сожрала война, в школах, одно собрание происходило даже в церкви, полуожоженной поляками. Выступали и красноармейцы, и крестьяне окрестных сел. Рассказывали о Доне, и о Царицыне, и о борьбе с Деникинским, а больше всего рассказывали о том, как ведут себя белопольки и чего они хотят. Ученки в эскадронах поднимали клятвы о том, что не отойдут от Самборка, пока не прорвут польского фронта, пока не займут мизра для Советской России. Обойдут все болота коней и вооружены, чтобы идти на переловные позиции! То особое чувство степенной решимости и острого желания найти слабое место у противника, которое охватило собрание Реввоенсовета после речи Ворошилова и Буденного, перекинулось теперь в армию.

Третьего июня Пархоменко воле колодца оставил вояки и худой красноармеец. Впрочем, красноармейского на нем была од-

на фуражка, да и та разорванная тряпка, а остальное одеяние на нем было польско-французское. — Товарищ налив, — сказал он, — куда посоветуешь привести добровольцев на своих конях? Пархоменко узнал его. Это был тот рыжий красноармеец, бежавший из плена, которого командарм встретил на поляне возле дубов. — Откуда ж у тебя лошади, Снегирев? — спросил Пархоменко. — А был митинг в деревне. Мужики обиделись, посочувствовали. Тут я выступил, меня по болезни назначили белее принимать. — Он показал забитованную руку. — Ну, белее немного, затруднений для меня нет! Я обжег, конечно, выступая и говорю: сочувствуете, мол, а коней нам где ваять? Очень я ослеп мужиков! Даже заплакали. И вывели из болот опрытанных коней: «Гоните, говорят, Польшу». Приходится гнать. И он повел Пархоменко показывать свой отряд. Должи мешали полякам разглядеть передвижения Первой конной. Но даже если б поляки и знали об этих передвижениях, они вряд ли бы задумались над их смыслом. Дело в том, что поляки считали, что сопротивление, которое они до сих пор оказывали Первой конной, значительно ослаблено и почти привело в негодность армию Буденного. Мало того, подвеза пехотные и кавалерийские резервы, польское командование на другой день после выхода приказа Буденного о наступлении, т. е. 4 июня, решило само через два дня на рассвете нанести сокрушительное поражение Первой конной, с тем, чтобы ослабить угрозу Киеву. И того же 4 июня Реввоенсовет Первой конной выдал длинный приказ по армии, который подводил итоги совещания 1 июня, и чтобы не быть застигнутым враждебно, рассказывал об организации и тактике польской армии, рассказывал, или, скорее, повторял о приемах борьбы с этой польской армией и требовал улучшения собственной организации. Приказ этот выделял самое главное и в том, что говорил налив и военкомандиры, и в том, что говорил Ворошилов и Буденный, и приказ этот отвечал многим хорошим и боевым мыслям Пархоменко. Едва он узнал отнять приказ этот для размышления, как получил новый: Буденный, респля, что нехватка погоды и расплывшиеся дороги дают полякам уверенность, что красные не осмелятся пойти на них, приказывал: на рассвете 5 июня перейти в решительное и безповоротное наступление. В полночь 4-го все двалцать эскадронов Пархоменко поехали по бригадам и полкам, к началу конной автобронированного отряда, командир артиллерийского дивизиона, развозя приказ налив о том, что Четырнадцатая дивизия в 7 часов утра 5 июня пойдет боевым авангардом Первой конной армии. Как и во всех приказах, так и в этом, говорилось о положении противника, о соседях справа — дивизия Котовского, а слева — Четвертая дивизия Конармии Городовикова, говорилось подробно, по каким дорогам и куда идти, где выставить сторожевое охранение, и только по тому требованию, которое предвизывало к разведке, а именно — не только узнавать силы противника, но и уничтожать всю его технику: часть, делать нападения, создавать панку, взрывать огнестрельное, — по этому требованию можно было почувствовать, что предосторожное и большое дело. И об этом ослепности важности дела энергично говорилось в конце приказа: — Пусть каждый командир и каждый боец проникнется сознанием, что малейшее улучшение или несвоевременное выполнение возложенных на них задач грозит осложнением не только для дивизии, но и для всей армии пролетариата!

5

Рассвет был дымчато-мутный, хотя ясные золотисто-желтые лучи все же успевали пробиваться среди туч. — Будет небо, — сказал Буденный, вспрямивая коня. — Ну и ослепает панская гордость, — подтвердил Ворошилов, пробужая рукой, хорошо лая лянучата полдпрута. Буденный и Ворошилов крупной рысью направлялись к командным высотам, что были возле артиллерийских позиций Четвертой дивизии. К тому времени, когда они поднялись на высоту, зеленово-шафрановый густой туман залопал лес и высокую рожа. — Как-то наши хлопцы ползут? — сказал Буденный, вкливаясь в туман и преследуя низависав хлопавшим и чавкающим звукам, которые шли из этой высокой шафраново-зеленоватой пелены. Пархоменко шел по полю вместе с бойцами 82-го полка. Еще вчера их обучали хитрости спешного боя среди колючей проволоки и пулеметов, а сейчас они уже боком приближались к окопам по ржи, не склоняясь почти во весь рост, молча, иногда перебрасываясь легкими фразами, как бы уговариваясь в туман: «есть бы на ползачка!» — «И того бы мне хватило!». Бойцы были в большинстве своем из доносбских рабочих, и шутки, которые они говорили, были понятны всему полку: «Эт тебе почти что шахта!» — «Поляк как в забое, вот и подползает о окопам!» Рабочие шли почти плечо к плечу. Рты их были подоткрыты, брови опущены. Уходящий туман открывал уловато испомленных лиц. Некоторые уже подыла прыкались, чтобы сразу ударить врага. Некоторые наклоняли ружья, готовясь проткнуть противника. У некоторых, наиболее ловких, были в руках топоры, чтобы рубить проволоку. Некоторые шли с ломом.

Доносились шипящие голоса полков. Пархоменко поднял руку и медленно отступил. Бойцы наклонились. Но шаг делался от этого еще быстрее и легче. Это делало недолго. Отчетливо видны были проволочные заграждения. Тонкий, и видимо, молодой офицер вскачал на бруствер и крикнул: — Русские! Братья-славяне, куда вы? — На тебя, падаль! — ответил рабочий тот, который держал ружье прикладом вверх. Он быстро перероснул винтовку в плечу и выстрелил. Офицер упал. — Балды тебе бреть, а не мы! И тотчас же ударили польские пулеметы. Бойцы полка, бросая гранаты и крича «ура», пожилой рабочий с топором за по-

ром полка возле Пархоменко, крича во все мощь: — Я тебя под Царицыном не добил, под Ростовом ты из-под меня выскочил, здесь-то я тебя кончу! Пархоменко приподнялся, осмотрел 82-й полк и сказал: — Ничего, хорошо идут. А бить не ослеп надо! К полудню туман совсем поредел. Буденный, среди своих ординарцев, связанных и разведчиков, снялся с командных высот. Он скачал туда, откуда меньше всего слышались выстрелы. В приземистом лесочке он разглядел полные эскадроны. Буденный выхватил шапку. Булавый Казбек его рванулся. — Языки надо ловить! — крикнул Буденный. Маленький отряд его устремился за ним. Польский кавалерист на отличном сером коне в отличном мундире, — знающий кавалерист, — подыма Буденный, сказал от него, Эскадроны рассылались по полю. Офицеры из кубанцев оставили коня, протер глаза, забрызгав мочкой земли, прицелились. Но кавалериста он не попал. Упад конь. Поляк освободил ногу из под падающего коня, поставил ее на село, — и раз за разом выстрелил в Буденного. Сабля командарма поднялась над его головой. — Плохо стреляешь, — сказал Буденный, — прося жизни. — Прощу, — сказал поляк, подымав руки. — Зачем здесь эскадроны стояли? — Прикрываем, пане, поле, стым между кавалерией генерала Савицкого и сельской бригадой пехоты. — Спасибо, что поляка не убил, — сказал Буденный ординарцу. — И за это тебе в награду почетное поручение. Скажи к Пархоменко, пусть в этот стым бег. Здесь наше счастье! Пархоменко перешел уже к Второй бригаде. Она медленно продвигалась, ведя пулеметный и ружейный бой. Издалека видны были заборы Самборка, телеграфные столбы, крытая мельница, с которой поляки обстреливали бригаду из пулеметов. — Хорошо идет, — сказал Пархоменко. — А только не здесь нам надо бить. И он сел на коня, чтобы ехать к Третьей бригаде. Через поле гремяч, прямо нависло к нему, скакала всадники. Он остановился. Он узнал рыжего и высокого Снегирева. Забитованную руку он держал на одном уровне со здоровой. Богатая польская сабля украшала здоровую его руку. Соединив с ним всадник держал поперек сабля польского офицера, и странно было смотреть на этого пожилого человека, одетого в аккурный костюм и трепетно державшегося за дужку крестьянского седла. — Товарищ налив, — крикнул Снегирев, — прикрывает ихнее Буденный сля. Там-ка слабое место, которое мы видим согласно высказанным пожеланиям на митинге. И очень деловито он сказал полку: — А ты слезай! Ординарц Буденного подскочил, когда уже Третья бригада, ведомая Пархоменко, ворвалась в трешину между польскими частями. Пять броненков сопровождали ее. Приближаясь укрепления Самборка. Из окопов высказывали поляки. «Здесь!», — сказал сам себе Пархоменко. Командиры приказывали спешивание. Броненки неслись к укреплениям. Пени наступали, бросая гранаты и рубя шапками проволоку. Пархоменко отдал бригаду. — И эти ничего, хорошо идут, — сказал он. Он перепрыгнул через яму, обвитую проволокой. Оттуда доносились стоны. Его обогляло «ура». «Здорово идем», — подыма он и оттокнул бойца, который бежал вперед него. Боец яростно закричал что-то, но что именно, за треском стрельбы нельзя было разобрать. Пархоменко успел хлопнуть его по плечу. — Коной! — крикнул он. — Коной сиди! И вдруг цепи остановились среди изрубленного польского батальона.

6

Направо из-за лесочка скакала польская конница. Эта резервная бригада генерала Савицкого, узнав, что буденовцы штурмуют уже укрепления Самборка, спешила на помощь своей пехоте. А вдали, окруженные конвоем, скакали к Самборку для проверки штурма Буденный и Ворошилов. Буденный поднял бинокль и опустил: — Без того вижу, поляки, — сказал он. — Плохо, может быть, дело у наших. В бой и в погоне они порастоскывают, а тут такая собака сбоку высказывает. — Что ж, поможем Четырнадцатой! — сказал Ворошилов. Радом, просекшим, шев эскадрон 82-го полка. Артиллерийский дивизион нето сопровождал его, нето менял позицию. — Какое эскадрон? — крикнул Буденный. — Четвертый. — Что вы думаете делать? — спросил Ворошилов. — Думаю атаковать противника, товарищ Ворошилов, — ответил командир дивизиона, укаывая на скачущих полков. — Я этого и жду! — сказал Буденный. — Мы атакуем вместе с вами, — сказал Ворошилов. Вокруг шапки, эскадрон, конвой, Ворошилов, Буденный, прямо через неуничтоженные еще польские опорные пункты, мимо перелового окопа пулеметов, направлялись на бригаду генерала Савицкого. Глядя на всадников, командир артиллерийского дивизиона с большим нетерпением и грузным, как чмолад, лицом, медленно сказал: — Не бываю такому, чтобы рубили поляки Ворошилова да Буденного. — И он открыл белым огнем прямо в упор приближающуюся бригаду Савицкого. И от этого неожиданного огня, и от неожиданной атаки конников, и от появившихся внезапно броненков, посланных Пархоменко, бригада генерала Савицкого повернула спину. Увидав бегущую вперед гордую и красную конницу, увидав стремительное свержение воле себя сабля Четырнадцатой дивизии, прямо, как Черы Буденный, увидав лица этих твердых, ослепленных бойцов всадников с их звенящими, пожирившими языки саблями, увидав Первую конную, — польская пехота подыла. — Подылай! — сказал Буденный: — Теперь только гони! Вечер уже увидел Четырнадцатую дивизию проскакавшей двалцать пять километров в прорыве польского фронта. И направо от нее лежали убитые польские паньи, и налево от нее лежали мертвые господа польской земли. Догоревали пленные. На перекрестки свозили пулеметы, орудия снаряды. В 8 часов вечера 6 июня Пархоменко вынул приказ о том, что задание Сталина выполнено: прорыв совершен, Первая конная идет теперь по тылам поляков!

СЛАВА ПАПАНИНЦАМ — ОТВАЖНЫМ СЫНАМ ВЕЛИКОЙ РОДИНЫ!

ГОРДИМСЯ ВАМИ, ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

С гордостью и глубоким волнением следили советские писатели за потрясающей героической деятельностью Вашего коллектива. Ваши подвиги, Ваши беспримерные мужество и отвага вызывают восхищение и восторг всего советского народа, трудящихся и передовой интеллигенции всего мира.

Советские писатели гордятся Вами, дорогие товарищи, верными сынами советского народа, питомцами сталинской эпохи. Да здравствуют герои советской страны, неустрашимые завоеватели Арктики!

Да здравствует ВЛКСМ! Да здравствует великий и родной товарищ Сталин!

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ИМЕНА ГЕРОЕВ ПОВТОРЯЕТ ВСЬ МИР

Сноза имена советских героев повторяет весь мир. Четыре депутата Верховного Совета — Иван Дмитриевич Папанин, Эрст Теодорович Кренкель, Петр Петрович Ширшов, Евгений Константинович Федоров — закончили небывалый путь научных исследований, пройдя на осколках льдины от некогда таинственного Северного полюса до скал Гренландии, где природа дала советским героям последний страшный бой, где они вышли победителями.

Бесстрашные команды в летчики «Тай мйра», «Мурмана» и «Мурманка» устремились сквозь льды и ураганы на помощь отважным ученикам. В снежном урагане советские соколы, кружась над лежащими льдами, отыскали лагерь. Сузда грозили льды, и сегодня радостная весть облетела мир.

Приветствуем беспримерную выдержку бесстрашных героев! Они еще и еще раз указывают человечеству, что путь коммунизма — путь научной доблести и славы. С нетерпением ждем встречи с вами на родине, дорогие товарищи!

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Ленинград, 19 февраля.

ПРЕКЛОНЯЕМСЯ ПЕРЕД ГЕРОИЗМОМ СЛАВНОЙ ЧЕТВЕРКИ

Закончилась славная эпопея героической четверки папанинцев. То, что сделали они, есть высшее достижение человеческой выносливости и отваги. И этого они достигли потому, что они сыны нашей великой родины, потому, что в своей чрезвычайной трудной и напряженной работе они все время чувствовали моральную поддержку всей нашей великой страны. Партия, Правительство и лично товарищ Сталин внимательно следили за их работой.

Каждое утро, читая газеты и просматривая последние новости из дрейфующего лагеря, мы восхищались выдержкой и мужеством папанинцев. Ни снежные бури, ни туманы, ни холодная полярная ночь не могли сломить воли советских исследователей. И даже тогда, когда страшный шторм разрушил их льдину, они не потеряли бодрости и уверенности, ибо знали, что за ними стоит вся страна, стоит Сталин.

Мы преклоняемся перед героизмом славной четверки папанинцев и хотим за счастье позвать их руки и пожелать таких же успехов в дальнейшей работе во славу нашей великой родины. Пример папанинцев воодушевляет всех нас на подвиги и показывает всему миру, на что способен гражданин Советского Союза.

Герои Советского Союза — М. ГРОМОВ, А. ЮМАШЕВ, С. ДАНИЛИН.

И. Папанин.

П. Ширшов.

Э. Кренкель.

Е. Федоров.

Писатели с блуждающей льдины

ЛЕВ КАССИЛЬ

Как известно, на славный квартет, составлявший маленькое население советского полюса, были возложены обязанности и функции, выполняемые в обычной жизни на Большой Земле многими десятками людей. Четверо вместили в себе знания метеорологов, радистов, врачей, синтологов, биологов, ледоведов, стюардов, кулинеров. Каждый работал за четверых и четверо работали за всех.

Кроме того, им оказалось необходимым стать литераторами, корреспондентами, писателями. Большая Земля забрасывала льдину непрерывными литературными заказами. Заказы были срочные: совершенно неотложные. И четверо стали писать.

Они писали лишь о самом главном. От этой корреспонденции их так полюбосны. Надо было экономить электроэнергию. Рация Кренкеля и без того была загружена. Поэтому надо было писать коротко и точно, и в литературе, рожденной на блуждающей льдине Северного полюса, чувствуется это выжидательное и бережное отношение к слову.

Четверо и на льдине все время оставались такими, какими они были дома, — советскими людьми, советскими до мозга костей, советскими по своей привычке всюду чувствующим крепчайшую связь с родиной. Поэтому образы, сравнения, метафоры, которыми пользовались авторы, обращены к Большой Земле, к родине, к Москве. Они как бы приближают экзотический — волеводней — полярный материал к общему советскому обществу, «присматривают» явления и вещи, которые под пером любого зарубежного журналиста звучали бы с нескромностью и дешевым лягом сенсации.

Просто, убежденно и четко удерживая писали люди станции «Северный полюс» о своей жизни, о своих думах и работах. Все это создало своеобразный полярный литературный стиль, освещенный изумительной новизной материала, добротным хороним, мужественным юмором, восхитительной и деловой шуткой — доброй шуткой по горло занятых и влюбленных в свое дело людей, всеших работая и немощающихся в рево.

В то же время корреспонденция Северного полюса никогда не была сухим реляциям, безостаточным отчетами. Это всегда был по-настоящему художественный, безукоризненный репортаж, включавший в себе превосходно сделанные фельетоны, маленкие, живые очерки.

Писатели Северного полюса проявляют при этом очень хороший вкус, умение по-своему видеть и чувствовать обстановку и создавать у читателя нужные настроения, а о знаниях материала — тут уже говорить не приходится.

Как превосходно, например, описывает Эрст Кренкель ночь на полюсе (корреспонденция от 27 сентября):

«Выхожу делать очередные научные наблюдения. При ясном небе особенно чувствителен мороз. Радует спокойный свет луны, мерцающие звезды. Горизонт закрыт морозной мглой. Ветра нет — значит ночное дежурство будет спокойным, и на меня Папанина не будет раздаваться вопрос: «как ветер?»...

«Каждый час осматриваю лагерь, угадываю в темноте знакомые торосы. Толстым канатом повисла антенна, покрытая шубой неизменно толстого льда. Скудны во сне наш лес «Восемьдесят»: очевидно видят страшный сон. Кругом авенная тишина. Изредка трещит где-то лед. Как будто бы все замерзло!

Но эфир прохочет музыки на все вкусы и извержка вертушка, опущенная в воду, в пять утр опять покажет значительный дрейф нашей льдины на юг, несмотря на безветрие»...

Здесь великолепно передано ощущение замершего края света, кажущейся неподвижности, под которой скрываются непростые движения, и это описание Кренкель заканчивает внезапно мастерским юмористическим приемом:

«В пол-шестого слушаю добрый марш из Москвы. Ужасною словом руководителя утренной гимнастики: «откройте форточку, наденьте трусики».

Писатели Северного полюса умело используют в своих очерках разительные контрасты, созданные внедрением горячей человеческой жизни в мертвое пространство Арктики, — переуплотненность и теснота палатки и безграничность полярного пространства, окружающего ее:

«Среди необъятных просторов Арктики наша «жильцола»... однако, ограничивается тремя квадратными метрами. Это все, что осталось после размещения вещей».

Эта простая и очень деловая фраза скромно открывает нам глубины подвига людей, проводящих долгие месяцы в крохотном, тесно сплоченном коллективе среди вымораживающей все живое бесконечной Арктики.

И жар расплавленного фимуса здесь, в окружении тысячелетней стужи, становится жизненно необходимым, приобретает особую значительность и торжественность.

Ширшов пишет об этом так:

«Из кухни слышится громкий рев палаточной лампы. Это вернувшийся с утреннего обхода Папанин чинит примусную горелку, а за спиной у него неистово завывают два других примуса. Из кастрюли несетя алетитный запах. Иван Дмитриевич уже варит обед. В эту минуту начальник зимовки напоминает скорее летистую сляку. Черный от копоти, с блестящими белками глаз, весь залитый светом шипящего пламени, он произносит тоном заклинателя:

— Звери Истинные звери!. Ревите, родимые, пуще прежнего, радуйте мою дулку!».

Здесь все очень хорошо. Вы сразу видите новизну и необычность «полярной кухни» и всего ледового уклада...

С настоящим волнением читаешь чудесно написанную Ширшовым корреспонденцию «Полярная ночь», переданную им 12 декабря прошлого года:

«...Ночью пурга разыгрывается еще сильнее. Прасываясь, я слышу неистовую песню ветра. Он то уносится на мгновение прочь, то снова обрушивается на брезентовые стены палатки. Сухое и настойчивое шелестит миллионы снежинок. На крыше жалобно скрипит ветряк, и нагло стучится в дверь палатки провод антенны. Частой металлической дрожью звенит какая-то печка. Время от времени уху ловит гудящие удары и скрипы льда. На трещине торосит. Я выглядываю из мешка. Над изголовьем постели Федорова мирно вьется стружка пара от дыхания. Жена спит крепко, и его не разбудит никакая пурга! Зато Иван Дмитриевич явно бодрствует. Он поминутно воротачется с боку на бок, кряхтит и шумно выдыхает. Скосив глаза, я вижу спину Эрста Кренкеля. Он склонился над столом своей рации и в самообзвонии путешествует по эфиру.

— Теодорыч, — чуть слышно печет ему Папанин, боясь разбудить меня и Федорова.

Кренкель не сразу слышит этот осторожный шепот и, ласково улыбаясь, печет в ответ:

— Чего не спишь, Иван Дмитриевич? — Не спится... Все думаю. Завтра выборы. Ты только попытайся осознать... 100 проц. населения нашей зимовки выдвинуто кандидатами в депутаты Верховного Совета.

И долго еще слышится приглушенный шепот этого разговора о великой чести, выпавшей на долю нас четверых. Потихоньку смотрю на часы. Стрелки показывают шесть. Это шесть часов 12 декабря. Выборы начались!!

Наряду с деловым, точным и ироничным описанием прозы полярных будней вы найдете у Ширшова фразу, которая мгновенно освещает героический и величественный смысл пребывания на кочующей льдине:

«В торжественной тишине ледяного домика Жена вожит над своими приборами, определяя таинственные элементы земного магнетизма».

А Эрст Кренкель дает нам почувствовать беспримерное величие подвига через очень простые, знакомые вещи:

«В постель Ширшова на веревочке висит потрепанный портфельчик. Смотришь на

него с уважением. Здесь хранятся тайны Северного полюса. Это — осуществление мечты человечества. Для нас это погонда напряженной жизни, многие часы тяжелой физической работы. Лучше потерять голову, чем этот старенький портфель!».

И скромный, затрепанный портфельчик становится в ваших глазах легендарно-могущественным, как перенатая сумочка Миклуш Селяниновича, в которой таилась тая земля.

Льды полярной станции пишут очень весело. Все их корреспонденции проникнуты прекрасным юмором. Этот юмор — юмор новизны, но и Кренкель, и Ширшов пользуются им мастерски. Очень смешно описываются, например, метод, которым Ширшов приучил себя быстро вставать:

«Подошел над головой плитку шоколада. Тот, кто будит его, одновременно пускает секундомер. Если через пять минут ноги Ширшова не коснутся пола, шоколад меняет владельца».

Или вот, например, правила одевания, отлично подчеркивающие своеобразие полярного жилья:

«Сядь в мешок, не ударь головой об острый угол стола. Надевая фуфайку, не опрокинь пеленку и пузырьки Ширшова. Встав во весь рост, берегись острой раки на полоте. Надевая ботинки, правой ногой не опрокинь лампу, а левой не выбей из рук Ширшова его «письменный стол»... Четверо остроумных, отважных советских людей! Даже в самые тяжелые, почти трагические моменты, природная веселость не оставляет их.

Добрая, товарищеская усмешка, шутка позволяют им приблизить свою льдину к далекой Москве, и веревку, протянутую на колпачках от станции к трещине (чтобы не заблудиться), они назвали «троллейбусной линией».

«Наше пребывание на полюсе лишено писателям одной замечательной и терпеливой детали, — пишет Эрст Кренкель. — Белый полюс, как много ты вытерпел!».

Ну, что ж. Мы не и претензия на папанинцев. Может быть, нас и лишила одной приятельной, но ныне уже целиком разоблаченной темы, но зато литература наша приобретает величественную и волюющую, остроумную, героическую книгу, которую напишут писатели, воспитанные советским полюсом.

Иностранцы газеты сообщают, что давно уже выжили из ума итальянский писатель Габриэль д'Аннунцио заявил на днях, что он решил умереть на полюсе, приобрести этим бессмертие. Такова дежурная абракадабра этого маститого фашистского сумасброда.

Четверо, прожившие более девяти месяцев на Северном полюсе, не думали о бессмертии, но не боялись смерти. Величайший подвиг вдохновлял их, делая интереснейшими писателями, и каждое слово, написанное ими и посланное в эфир со льдины, будет переживаться миллионами людей на года в дни их века в их поколении.

МЕЧТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ОСУЩЕСТВИЛАСЬ

Слово «полюс» было загадкой. Никто не знал, что находится на полюсе, каков он, есть ли там жизнь, какие происходят там процессы. Многие ученые, исследователи, путешественники пытались проникнуть в тайну Северного полюса. История борьбы человечества за овладение полюсом полна страниц глубочайшего драматизма.

Однако это не могло остановить пылкий человеческий ум. Находились все новые и новые смельчаки, которые устремлялись к этой завешенной точке земного шара. Они шли на кораблях, на подводных лодках, на собаках и оленях, на воздушных шарах, дирижаблях и самолетах.

Наша страна дала много отважных людей, пытавшихся раскрыть многовековую тайну полюса, но весь строй царской России обратил их смелые попытки на неудачу. Они гибли во льдах, забитые и заброшенные. После Великой Октябрьской социалистической революции в Арктику пришел новый хозяин — свободный советский народ и начал планомерно осваивать и обживать суровый край.

Штурм Северного полюса был для нас естественным продолжением работ советских ученых и советских полярников. Наша экспедиция не ставила перед собой никаких спортивных целей, которыми руководствовались очень многие экспедиции прошлого. Наша задача заключалась в стремлении как можно подробнее ответить на все совокупность вопросов, возникающих при слове «полюс». Для этой цели мы оставили на дрейфующем льду в районе Северного полюса научную зимовку — товарищи Папанин, Ширшов, Кренкель и Федорова.

Впервые движение льда было использовано как средство передвижения для плановой научной работы, охватывающей огромный, совершенно неисследованный район центральной части Полярного бассейна. Пребывание на льду требовало от отважной четверки большой смелости, силы воли, готовности к борьбе с непредвиденными трудностями. Выбирая для этой работы товарищей Папанина, Ширшова, Кренкеля и Федорова, страна была уверена, что эти люди с честью оправдают оказанное им доверие и с гордостью пронесут наш советский красный флаг.

За время дрейфа папанинцы собрали колоссальный по своему объему и значению разнообразный научный материал. Им собраны уникальные экземпляры животных микроорганизмов, свидетельствующих о существовании жизни на полюсе, проведены многочисленные научные исследования. Наблюдения станции на дрейфующей льдине основательно дополнили накопленный ранее научный материал и позволяют разрешить важнейшие научные проблемы, связанные с освоением Северного морского пути. Папанинцы раскрыли сложную картину процессов погоды, развития циклонической деятельности, что играет огромную роль в осуществлении трансарктического воздушного пути между СССР и США. Точная картина магнитных склонений, которую можно будет создать на основании научных материалов, собранных папанинцами, облегчит и упростит технику пилотирования на трансарктической трассе. Изучение магнитных бурь позволит дать ответ на такой решающий вопрос, как организация радиосвязи между СССР и США.

Трудно перечислить весь тот огромный комплекс научных данных, которыми обогатила науку наша отважная четверка. Несомненно одно, что их работа является ценным вкладом в самые разнообразные отрасли науки и человеческого знания. Мечта человечества — раскрыть тайны полюса и Центральной полярной бассейна — осуществлена отважной четверкой советских ученых.

Их работа является образцом для полярников всего мира, а их личные качества — смелость, мужество, выносливость, безграничная преданность делу науки и гордое сознание советского человека, выполняющего волю своей социалистической родины, являются отличнейшими чертами нового человека, созданного сталинской эпохой. Слава папанинцам, слава отважным!

Герои Советского Союза М. В. ВОДОПЬАНОВ

Е. А. ЩАДЕНКО
ЗАМ. НАРКОМА ОБОРОНЫ СССР, АРМЕЙСКИЙ КОМИССАР 2-ГО РАНГА

Дни героической борьбы

С какой исключительной силой и убедительностью в эти дни, накануне 20-летия Красной Армии, звучат мудрые слова, сказанные товарищем Сталиным в докладе на чрезвычайном VIII Съезде Советов:

«Приятно и радостно знать, за что билась наша люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты». Товарищу Сталину принадлежат огромнейшая заслуга в деле организации и руководства борьбой Красной Армии в период гражданской войны. Он вместе со своим ближайшим боевым соратником — Климентом Ефремовичем Ворошиловым руководил борьбой Красной Армии, выкопывая ее победы на самых ответственных и опасных участках фронта.

В период гражданской войны на мою долю выпала величайшая честь — под непосредственным руководством товарищей Сталина и Ворошилова работать и повышать свою большевистскую и военную квалификацию. На мою долю выпала величайшая честь видеть и наблюдать в боевой обстановке на фронте талантливую, многогранную и многоотворную работу товарищей Сталина и Ворошилова, учиться у них ленинскому стилю в работе.

И вот об этих героических днях и боевых эпизодах, связанных с именами Сталина и Ворошилова, я хочу рассказать.

НА ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Двадцать лет тому назад, работая председателем партийного комитета большевиков в Донецком округе, я был избран делегатом Второго всесоюзного съезда совет.

В ночь с 24 на 25 мая принимали участие не только в работах съезда, но и в штурме Зимнего дворца. Счастливейшие из людей, мы были героями тем, что были под непосредственным руководством вождей коммунизма Ленина и Сталина за

победу пролетарской революции в нашей стране.

Мы знали, что зайдя на Дону объявил поход на советскую Москву. Приспешенные решимости биться и умереть за торжество Октябрьской революции, мы двинулись на Дон в Донецкий и Шахтинский округа, делегатами которых приезжали в Москву.

По дороге, на ст. Глубокой нас арестовали офицеры 44-го казачьего полка и под конвоем двух сотен доставили в Каменск. Враги народа, генералы Богаевский и Усачев, хотели расстрелять нас руками верных монархий поев, но рабочие и белоглазое население вместе с солдатами 276-го запасного полка и местной казачьей командой вырвали нас своих избранных, из кровавых лап палачей.

Возглавляя попрежнему Донецкий округ, я все свое внимание сосредоточил на организации вооруженной Красной гвардии. Упорные бои за советскую власть, разгром полковника Чернецова под Глубокой дали нам возможность быстро двинуться вперед и вместе с казаками 10-го Гундоровского и 27-го Метягинского полков, 31-я сотня, шахтерами Ал.-Грушевыми и металлургами Сулина вскоре занять Новоочеркасск.

Видя свою неизбежную гибель, зайдя в ряд рабочих и крестьян генерал Каледина застрелился, патч русского народа Попов бежал на Кубань, генералы Попов и Мамонтов — в Сальские степи.

Я не буду останавливаться на отдельных эпизодах героической борьбы, которую мы, большевики, вели против белых генералов и контрреволюционных казацких банд. Хочу прямо перейти к героической эпопее, известной в истории гражданской войны как оборона Парицины, этого «Красного Вердена» Октябрьской революции.

В БОЯХ С ГЕРМАНСКИМИ ОККУПАНТАМИ

Оборона Парицины, организованная и осуществленная величайшим стратегом пролетарской революции великим Сталиным

и его ближайшим соратником, талантливейшим пролетарским полководцем — дуганским сыскаром товарищем Ворошиловым. — вошла в историю героической борьбы нашей доблестной Рабоче-Крестьянской Красной Армии как одна из самых славных ее страниц.

Мы знаем, что Парицины на Волге, нылениный Сталинград, явился собирательным фокусом, куда, начиная с весны 1918 года, таянулись революционные силы со всех сторон юга России. В июне 1918 года к Парицины прибыло огромное количество добровольцев шахтеров, металлургов, революционных украинских крестьян, инородных рабочих и крестьян Дона во главе с товарищем Ворошиловым. Пролетарская сила революционных бойцов стала твердым, гранитным основанием, на котором был построен несокрушимый красный Парицинский фронт.

Положение нашей страны было в то время очень тяжелым. Подлый предатель Иуда Троцкий, провозгласивший свой изменнический, контрреволюционный лозунг «ли войны, ни мира», и Бухарин объединились с немцами и украинской буржуазно-националистической контрреволюцией для борьбы против партии, против Ленина и Сталина.

Своими против именованной Троцкий и Бухарин нанесли огромный вред стране. Немецкие империалисты двинули трехсоттысячную армию для захвата и грабежа хлебной, богатой углем и железом Украины.

Слабая еще тогда, не имевшая крепко организованной вооруженной силы, советская Украина, располагая не более, чем тридцатью пятью тысячами вооруженных добровольцев, естественно не могла оказать сколько-нибудь упорного сопротивления оккупационной германской армии.

Отряды изменника Муравьева и ставая, полунархистская армия Антонова-Овсеенко уступали без существенных боев города, станции и села Украины. Было больно смотреть, как грязные сапоги не-

мелких солдат топчут родную землю, попривают свободу, право на жизнь и труд великого украинского народа, выжимают из него пот и кровь.

Руднично-заводские отряды Красной гвардии, сколоченные в пролетарском Донбассе, во главе со своими большевистскими руководителями — Климентом Ефремовичем Ворошиловым и Артемом Сергеевым, — стали быстро сличивать свои ряды и организовывать красный фронт борьбы против внешней и внутренней контрреволюции. Уже под Харьковом, у Основы, германское «свиное рыло» получило сокрушительный удар от дуганчан, которыми командовал товарищ Ворошилов. Немцы бросали пушки, аэропланы, пулеметы, грузовики и, пуская в ход «дипломатические» увертки, стали «доказывать», что Донбасс, мол, входит в состав Украины, и поэтому, по договору с буржуазно-помещичьей Радой Петлюры — Винниченко, должен быть очищен от Красной Армии и большевиков.

Местные отряды Красной гвардии, состоявшие из рабочих рудников и заводов Донбасса, группировались вокруг дуганчан, давая возможность К. Е. Ворошилову быстро создать Петлю Украинскую армию. Бой у станции Дебальцево, под Луганском, у станции Радаково окончательно убеждают немецких генералов в силе красных частей, в необходимости перехода от эшелонной к полевой тактике, к упорным боям.

Первого мая германские войска отрезают путь движения к Ворожежу, разрушая железнодорожное полотно между станциями Миллерово—Чертовко. Единственный путем движения на юг-восток остается путь через Каменскую—Лихая—Парицины.

К вечеру 4 мая главные силы красных сосредоточились у возвращенного под станцией Беляя Калитва железнодорожного моста через р. Донец. Только товарищ Ворошилов с небольшим отрядом дуганчан продолжал защищать ст. Лихую, пропуская эшелон за эшелон на парицинскую ветку.

Вечером по отрядам быстро распространилась ложная весть о гибели К. Е. Ворошилова на ст. Лихой. Это вызвало уныние и панику во всех частях. Поиски до утра не дали никаких результатов. Штабы также не знали, где находится командарм.

Не ложась спать целую ночь и пройдя пешком около 30 километров, командарм появился к 9 часам утра, в сопровождении дуганчан, и энергично стал наводить порядок среди штабов и войск.

С 11 часов шестого мая вновь закипел бой и работа по восстановлению железнодорожного моста.

Пытаясь хвастливыми реляциями поднять дух «сведекого войска Донского», белые, после того как они вновь заняли Гундоровскую и станции Глубокой и Каменскую, писали:

«21 апреля (4 мая) на ст. Каменскую было сделано наступление с двух сторон. Со стороны Гундоровской наступали легкие казаки, со стороны ст. Глубокой — немецкие части германской пехоты. Ст. Каменская к утру св. паша была взята.

Казаки ст. Ватериновской, Усть-Белокалитвенской, Калитвенской, Каменской и Гундоровской начали преследование. Противник, бежавший на Усть-Белокалитвенскую станцию, насчитывает до 10 тысяч; здесь же были: Подтелков со штабом, известный фон-Сиверс * и, наконец, каторжанин портовой Шаденко — всеобщий негласный министр Дона.

К этому времени с другой стороны подошли германцы, и начался бой. Большевики были разбиты на-голову. Снова бегство в двух направлениях — фон-Сиверс бросился на ст. Ташицкую, промывався к Парицины, Подтелков и Шаденко со штабом бросились в свободу Скасырскую, где с помощью денег купили доверчивые мужицкие сердца, подняли восстание против казаков и отбили огнем орудий наше наступление».

Кроме уныния перед оккупантами, остатки правительства Подтелкова с сотней каменских красных казаков местной командой вынуждены были включиться в общий поток великого отхода на новые, более сильные парицинские позиции.

Но у беспартийного казака Федора Подтелкова и у его советника, эсера, прапорщика Кривошлыкова была своя особая цель, особая завет, особая дорога — и они пошли по ней.

И стоило им отойти от железной дороги, стоило отойти в сторону от Ворошилова, от его большевистского пути, как они были окружены восташными казаками Милитиной и других станиц. Сотня революционных казаков была сирочирована на переговоры, и это их погубило. Все они погибли так же, как и их командарм.

* Никогого фон-Сиверса здесь не было. Белые прижали г. Ворошилова за Сиверса. Окончание см. 4 стр.

Сергей МИХАЛКОВ, Леонид СОБОЛЕВ

Наш Красный Флот

КРЕЙСЕР

Этот крейсер был в дозоре.
Он бродил далеко в море.
Ночь провел он без огней,
Чтобы открытым быть верней.

Он вернулся на рассвете.
Мы увидели сигнал:
«Я эскадру в море встретил,
Корабли свои узнал».

Значит, враг не смеет нарушить
Голубого рубежа.

Мы спокойной сном на суше —
В море наши сторожа.

СИГНАЛЬЩИКИ

Подозел линкор к линкору,
Разговор пошел линкор.
Я не слышал разговора,
Я увидел разговор.

Далеко видны на реке
Разноцветные слова:
«Шлите докторов скорее,
Наша кохта чуть жива!».

А другой линкор в ответ:
«Это шутка, или нет?»
— «Эта шутка, это шутка!
Передайте всем привет!»

Подошел линкор к линкору,
Разговоры вел линкор.
Я не понял разговора,
Я примухнул разговор.

ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ

Мы сами никого не троем,
Но если враг войну начнет,
Безмятежно стоим в обороне
Подводный флот,
Подводный флот.

Спокойно море голубое
И враг опасности не ждет,
А под водой, готовый к бою,
Подводный флот,
Подводный флот.

И взрыв полнеба закрывает —
Чужой линкор на дно шлет.
Со сна, на солнце, вынырывает
Подводный флот,
Подводный флот.

И мы гордимся моряками,
Которых вырастил народ.
Он создан нашими руками —
Подводный флот,
Подводный флот.

КОРМОВОЙ ФЛАГ

На Черном море,
На Белом море,
На море Балтийском,
На море Каспийском,
На самом далеком
Охотском море,
На ограниченных просторных озерах,
На океанических просторах —
На всякой воде у советской земли
Военную службу несут корабли.

Снежные просторы,
Синяя вода,
Красный флаг и молот,
Красная звезда.

И знает не только советский моряк
Непобедимого флота флаг:
Знает и друг,
Знает и враг
Красного флота
Флаг.

КУРСАНТ

Вот у меня приятель,
И скоро будет год,
Как служит он во флоте,
На яхробле живет.

Он часто пишет письма,
Рассказывает нам,
Как ходит он с друзьями
На пляжках по волнам.

И как под парусами
Они на рейд летят,
Как лентя с якорьками
От ветра шелестят.

Курсанты научились
И плавать и нырять,
Их учат командиры
Без промаха стрелять.

Он будет лейтенантом —
Отважным моряком,
И очень рад, ребята,
Что близко с ним знаком.

ТОРПЕДНЫЙ КАТЕР

Пыль соленая кружится —
Защипав стелом глаза!
Мы летим быстрее птицы,
Мы — военная гроза.

Не вернемся без победы,
Наша победа дорога,
Краснофлотские торпеды,
Это гибель для врага.

ПОХОД

Прощай, родной приморский город!
Светите ярче, маяки!
Нескорю с нашего линкора
Сойдут на берег моряки.

Идет эскадра на ученье,
Курс кораблей на запад вьют,
Внизу, в машинном отделении
Турбины верные гудят.

Все наше море нам знакомо —
Мы в нем хозяева везде,
И как кругой на суше — дома,
Мы дома — в море на воде.

НА СТРАЖЕ

Крепкие боевые засовы
У наших советских дверей.
Мы встретим фашистов готовы
Огнем боевых кораблей.

И если нам драгаться придется —
В чужие просторы войди,
Мы вспомним тогда, краснофлотцы,
Слова дорогого вождя:

«...Приятно бороться с врагами в рядах
таких бойцов. С такими товарищами можно
победить весь мир эксплуататоров и угнетателей...» И. СТАЛИН.

Крейсер «Червона Украина»
25 июля 1929 г.

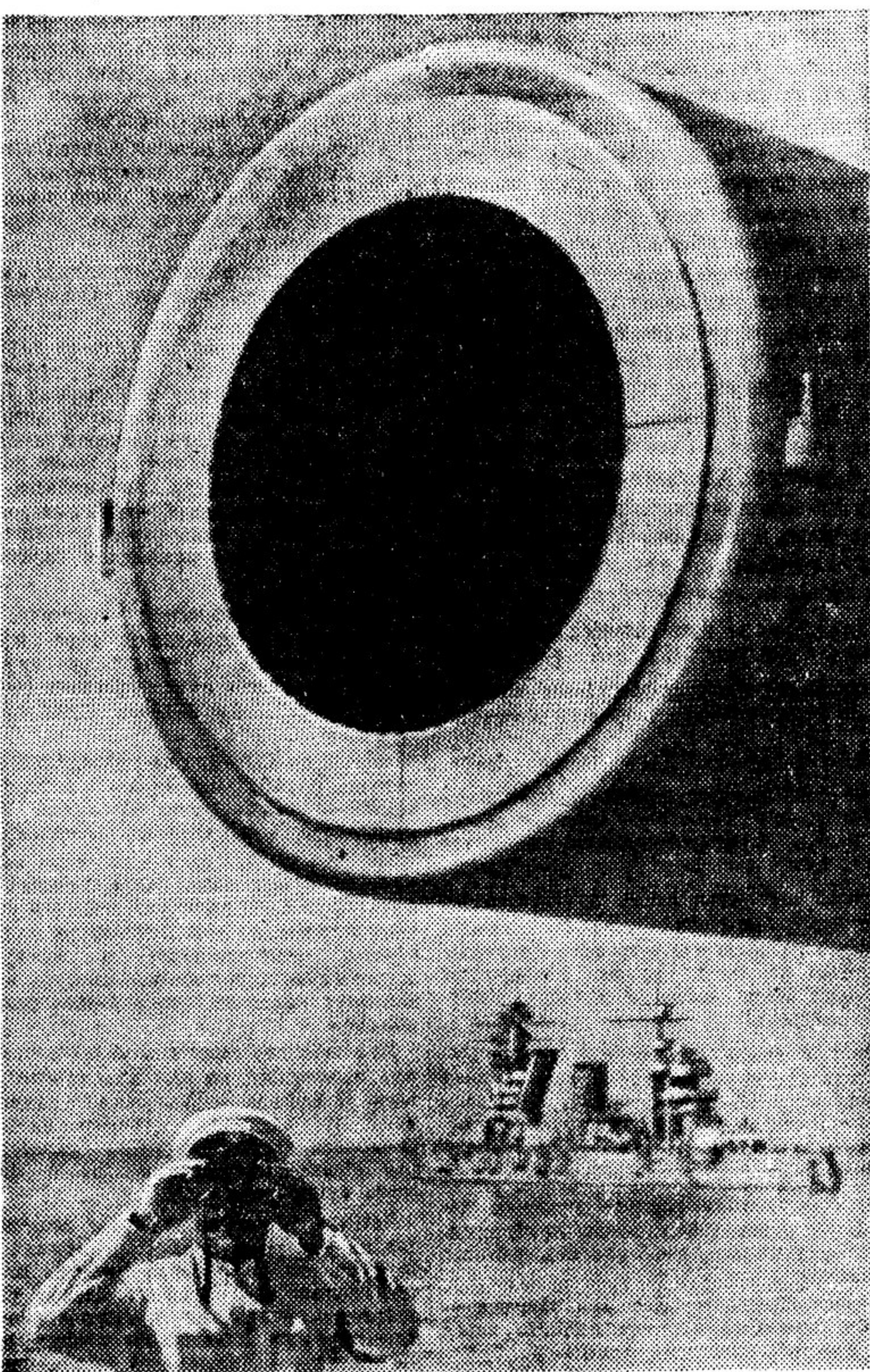

Фото-эскиз Халина.

Новодырь

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Обширное Полесье качалось под попла-
вками машин. Леса уже желтели, роняли
листву, над просеками висело белое солнце.
«Товарищ командарм, — написал детки
на записке, — разрешите сесть на ближай-
шем озере — мотор капризничает. Озер,
кстати, много».

Командарм читал. Он нехотел оторваться
от книги, прочитав записку, написал на ней:
«Совсем некстати, но делать нечего», и вер-
нул записку детки. Детки взглянул на
нее и повел самолет на снижение.

Командарм снова раскрыл книгу, но по-
плавки ударили о воду, она как бы взор-
валась, превратилась в шумную пену, и са-
молет помчался, разбрызгивая озеро, к ле-
систому берегу.

Командарм взглянул за окно. Летчик ру-
лил к набе на берегу. Солнце сперло над
вершинами старого леса. Ветер нес над во-
дой бледную паутину.

Глухо загудел маленький якорь. Коман-
дарм открыл дверцу кабины и прислу-
шался. Давно забытая тишина простира-
лась над лесами. Не было слышно даже
перевывания птиц. Такая тишина быва-
ет только безветренной ночью, когда хруст
сухой травинки застает вас врасплох и за-
ставляет сердце биться глухо и торопливо.

— Где мы сели? — спросил командарм.
— Это Полесье, — ответил детки. — В
ста километрах отсюда город Черновиль.
— Ну, хорошо. Чините скорее мотор.

Опазывать было нельзя. Командарм ле-
тел на юг, к морю, где его ждал громадный
флот, готовый выйти в осеннее учебное плава-
ние.

От единственной избы на берегу отчалил
старый челн. Человек на нем греб стоем.

Челн подошел к самолету, и человек крик-
нул о челна командарму:

— А я смотрю — акий журавель приле-
тел до нас с неба. Что воно думаю, и ака в
том причина. Должно, поломались, зем-
лячки?

— Ничего не поломались, — ответил лет-
чик.
— Ну-ну, — добродушно согласился лес-
ной человек. — Нехай будет по-вашему. А
вы, часом, не с Москвы?

— Из Москвы, — ответил командарм.
— Ну садитесь в челн, будете гостем, хоть
хата моя и не дуже богата. Я — полесов-
ник здешний.

Командарм сел в валки, полный воды
челн.
Летчик остался чинить машину.

На берегу командарм оглянулся на леса,
вдохнул запах высушенных трав и улыбнулся:
— Хорошо тут у вас. Охота, должно быть,
богата?

— А в Москве, мабуть, лучше, — сказал
лесник.
— Ну, что ж, поменяемся, — пошутил
командарм. — Лети в Москву, а я за тебя
останусь.

— Чистый смех! — сказал лесной чело-
век. — Тут я знаю, где какая птица перо
загубила. За самую, за райскую жизнь, я
этого леса не покину.

Командарм прошел в избу. На стене бы-
ли приклеены портреты, вырезанные из
старых газет. Среди них рядом с портретом
Шевченко командарм увидел себя, — он
был изображен молодым, улыбающимся.
Командарм снял фуражку, провел ладонью
по седым волосам и сел на лавку. Лесник
полез в подпол за молоком и сыром.

Из темного угла послышалось заунывное
жужжание. Командарм оглянулся, — на
полу сидел старик с белыми слепыми гла-
зами. Блестящая от старости, отполирован-
ная сотнями индичьих рук украинская лира
лежала у него на коленях. Старик медленно
поворачивал костяную ручку, деревянный
треснувший валик вертелся, терся о стру-
ны, и они глухо жужжали.

— Ты злчиний, отец? — спросил коман-
дарм.
— Не, я из-за Припяти. Иду на Черно-
быль, на Киев, як силы хватит — дойду до
самого моря.

Вошел лесник. Он поставил на стол кру-
жину и рассказал, что убогий этот старик
пришел из-за Припяти. Его привел мальчик
из соседнего колхоза и тотчас ушел. Теперь

Полностью печатается в № 2 журна-
ла «Знамя».

надо бы проводить старика до Черновиль,
да все некогда. Идет старик без поводыря.
Где теперь взять поводыря, когда все дри-
чата и хлопцы бегают в школу. Так и ле-
бается один к морю, а зачем — невест-
но, говорит — к дочери.

— Ты бы мне спел, отец, — попросил
командарм, разламывая черныи хлеб и ма-
кая его в кружку с молоком.

— Спасибо на ласковом слове, — ответил
старик. — Теперь старик пошел торопли-
вый, не слушает старые песни.

Старик помолчал.
— Снова я тебе думку, что сложили про
меня, про старого Кольдубу, сырые степи,
покаленные люди, — сказал спокойно
старик, и командарм невольно вздрогнул. —
Слухай тихонько.

Старик снял шапку и долго, молча, жуж-
жал на лире.

— Як бурьян на шляхах вьвет да пылит-
ся, — сказал он печально, — так и сердце
сохнет от людской обиды. Як вода на рече
льется, уплывает, — так и слезы льются,
их никто не чует.

Лира стихла. В наступившей тишине стар-
ик сказал просто и громко:

Он жила на свете сирота-небога,
Тай пришла сиротке трудная дорога.
Мать ее не мыла, волос не чесала,
Корку хлеба с салом, борща не давала,
Бо в могиле маты третей год лежала.

Лира снова зажужжала громко и томил-
но.

Тай корова пасла та сирота у пана,
Ночевала бидна посеред бурьяна.
Грозы по над степью холит чередом,
Молнии полыхнут над сухой травом.

Степел рассказал, как гроза разогнала
стадо в степи, как потеряла девочка луч-
шую корову и как хазина выгнал ее ночью
со двора и не дал даже куска хлеба.

И пошла сирота, слезы утирае,
Мать вона с могилы даром выкликае.
Доля человека слезами полита,
Доля человека тоскою погита,
Доля человека богом позабита.

Старик прижал струны и снова загово-
рил:

Так бежит сиротка, а куда не знае,
Тай на шляхе ночью казак встречает
И тому казаку все оповилает.
Ваяв казак сиротку и довел до хаты,
Где господовала его стара маты,
И сказав казаче матери: «Горыны,
Я знайшов на шляхе небогу-дичину.
Будь же ей, старуха, як родная маты.
Я ж иду до пана два слова казати».

Лира зажужжала торопливо, и старик за-
пел громким голосом:

То не грозы в небе ходят да играют —
То господски хаты огнем полыхают!
Ще не верила правда та холонса сила,
Ще не заросте панская могилка!
Гей, вставайте, люди, со степей та гаев,
Гей, вставайте, люди, кто шасться
на мае!

Шуми, Украина, повстанем та с вами,
Бренчи, Украина, бискамывом,
Бо идут холонн ратуваты волю,
Отбываты земля, будуваты долю!

Лира еще долго гудела и затихала. Коман-
дарм слушал, отодвинув хлеб.

— Очи я себе спалил на том на панском
пожаре, — сказал старик, надевая шапку. —
За год до войны я ослеп. Один голос оста-
лся для меня на свете.

— А где ж та девочка? — спросил коман-
дарм.

— Двадцать годов я ее не бачив, — отве-
тил старик. — Як наскочили на наше село
гайдамаки, — она и ушла через болота с
красными частями. Так и сгинула, загу-
билась в городах посередь многолюдства.
Немае у мене иншого ридного сердца,
— она одна осталась. Шукав я ее сколько го-
дов, неходил всю землю. Месяц назад вер-
нулся в свое село, прибило до мене предсе-
датель колхоза, а каже: «Дочка твоя знай-
шлась. Приезжай, каже, на побывку Остап-
вни служит во флоте. Вин ее бачив, она
про тебя питала, а вин, дурный, сказав,
по ты ушел из села загубился, мабуть,
вже помер. Она дуже плакала. Я, каже,
адрес ее у Остапа списав. Ось він!»

Старик вытаскил из-за пазухи вмятую
бумажку и протянул ее вперед в дрожащей
руке.
Командарм прочел адрес при свете керо-
синовой лампочки. Стекло у лампы было

покрыто мохнатой пылью, — должно быть
ее с зими не зажигали.

— Далеко тебе итти, отец, — сказал
командарм. — До самого моря. Далеко и
долго итти.

— Одного боюсь — не дойду, — ответил
старик. — Годы мои великие, силы преж-
ней нету.

Вошел летчик и доложил, что работы
осталось часа на два и на рассвете можно
будет лететь.

— Значит, мы не опоздаем? — спросил
командарм.
— Мы прилетим как раз во время.

Ночь командарм не спал. Он вышел из
избы. Как только он переступил порог, гу-
стая ночь окружила его шестестом и холо-
дом. Где-то в лесных чащах печально крик-
нула птица. Ослына на берегу торопливо за-
шуршали листьями и стихли.

Командарм посмотрел на восток; среди
черных ветвей сверкал зеленый холодный
Сирисус, — приближался рассвет.

Командарм вернулся в избу. Все спали.
— Отец, — негромко позвал командарм.
Слепец зашевелился в своем углу. Коман-
дарм зажег спичку. Старик сел на полу,
прильонившись к стене.

— Отец, — повторил командарм, — соби-
райся. Мы возьмем тебя, доставим до моря.
Старик молчал в темноте.

— Бери лиру, завяжи сумку с хлебом.
Через час полетим.
Старик молчал. Командарм снова зажег
спичку.

Старик сидел все так же, и из его откры-
тых глаз текли редкие слезы.

— Чую, — тихо сказал он. — Чую, серд-
це мое.

Через час машина с торжественным роко-
мом, разогнав по озеру темную волну, шла
в небо, разорывающаяся к югу, где низко
среди просек и пустошей дотлевал пепель-
ный огонь Юпитер.

Перед отлетом летчик оглянулся на степ-
ца, сидевшего в кабине. Лицо старика
сморщилось от слез. Он стыдился их, вы-
тирал глаза колчим рукавом свитки и бор-
молтал:

— От, старый дурень, ака приключилась
история.

— Разрешите доложить, — сказал четки
командарму. — Триста километров лишних.
Мы опоздаем ко флоту.

— А вы не опаздываете, — ответил,
умехнувшись, командарм.

Через четыре часа самолет, окруженный
дрожащим серебряным воздухом, сел в зе-
леных бурьянах, в солнце и гоме моторов
около желтых рыбьих лагун, красных
скал, около берегов, залитых мерным при-
боем.

Казалось, что приморский городок еше
спит. — так пустынно было на его камен-
ных улицах, когда командарм осторожно
вел за руку, как поводыря, дрожащего лири-
ка в старой колечей свитке.

Только милиционер на берегу около при-
стани узнал командарма по портретам, хо-
тел поднять руку к козырьку, но растерял-
ся, — только дернул рукой и спрятался от
смущения за кузов вытасенной на берег
рыбьей барки.

— Ну, вот, — здесь! — сказал командарм
и остановился около маленького дома. Тон-
кие сети висели на ограде. Черный кот си-
дел на переворотной шляпке и лениво жури-
лся на командарма.

— Я тебе, отец, открыл калитку, — ска-
зал командарм, — а там уж ты сам до-
береешься. Я тороплюсь.

— Я дойду, я дойду, сердце мое, — ра-
стеряно ответил старик.
Командарм открыл калитку, ввел в нее
старика и быстро отошел за угол. Он заме-
тил сквоз заросли дикого винограда мол-
дую женщину, бежащую со ступенек тер-
расы, услышал радостный крик, смешан-
ный со слезами, торопливо вынул шапиро-
су, на ходу закурил и, прыгая с камня на ка-
мень по крутым спускам, сворачивая в бо-
ковые запутанные переулки, быстро пошел
к морю, где его ждал самолет.

В сумерки под крылом самолета откры-
лись глубокие бухты. Во мле, в перебегаю-
щих огнях, в шуме флагов и блеске сиг-
нальных фонарей, в плеске волн и гомоне
чаек показывался на якорях и тяжело ды-
мил южный флот, дождавшийся командар-
ма, чтобы выйти в осеннее учебное плава-
ние.

Командарм опоздал на два часа.

Дни героической борьбы

Начало см. 3 стр.

дир, которого белые повесили вместе с
его советником.

Мы набрали другой путь.

Мы шли в ворошиловской колонне, мы
действовали по-ворошиловски и под его
командой. Намеку донецкому отряду да-
на, помоги всем прочим задач, дополни-
тельная задача: отвлечь внимание против-
ника и направить его от железнодорож-
ного полотна на революционно-настро-
енные крестьянские села Донецкого округа
и постараться увеличить число бойцов на-
шего отряда за счет добровольцев из кре-
стьян.

Эта задача отвлечения в сторону на се-
вер от железнодорожного полотна глав-
ных сил генерала Фицхалаурова вглубь
Донецкого округа, по реке Быстрой, бла-
стиче удалась.

Продержавшись около месяца, мы к пя-
тидесятому отряду прибавили еще
столько же добровольцев из крестьян,
организовав из них Урядов Донецкий
полк, две батареи, три эскадрона кавале-
рии и огромные обозы, которых потом
завязло на всю дивизию, и двинулись на
соединение с войс. Ворошиловым.

Окрепшая двадцатитысячная украин-
ская армия под командой тов. Вороши-
лова наносила, по свидетельству самого
генерала Краснова, тяжелые удары
третьему армейскому корпусу генерала
Мамонтова.

Немецкие оккупанты не могли проль-
нуться дальше юго-восточной железной до-
роги Лиски—Ростов и еще дальше на юг
от Ростова; не смогли продвинуться, так
как астралы перел батальоны познания,
где сидели в окопах украинские рабо-
чие и донская инородная беднота. Не-
долго пришлось терпеть трудящимся про-
доложить их немецких империалистов. В
упорной борьбе мы успешно ликвидиро-
вали немецкую оккупацию и всех прелател-
ей, которые притянулись на шею украинскому
народу немецкое ярмо тройной эксплуата-
ции. Германские оккупанты были вышвыр-
нуты из пределов Украины.

К Царицыну мы прибыли после упор-
нейших боев, которые вели с белоказака-
ми в течение трех месяцев, не сблизившись
с правильного ворошиловского пути, не

подаваясь на коварную провокацию пере-
говоров с заклятыми врагами.

В Царицыне был Сталин. Мы видели и
услышали немало уроков личного боевого
примера, самоотверженности, бесстрашия
и большевистской организованности от тов.
Ворошилова. Теперь мы начали усваивать
простые, ясные и вместе с тем искусные
и мудрые действия товарища Сталина.

Все, что лучшего дала Украина и инор-
городный бедняцко-казачий Дон, было
собрано здесь, под Царицыном, и органи-
зовано в сильную, могучую Красную Ар-
мию, в ленинско-сталинскую школу ком-
мунизма.

Сюда, под Царицын, в эту боевую бо-
льшевистскую школу коммунизма, в школу
сталинской стратегической мудрости и во-
рошиловской боевой закалки, стали сте-
каться малые и большие отряды рабочих
и крестьян из Донбасса, осевшие было на
Кубани и Батайска, и с других фронтов.
Из Черкасского округа пришла бригада
Колпакова, из Сальского округа пришли
буденновцы из Ставрополя — 6-я Кавди-
визия Апанасенко, из Крыма — Тимо-
шенко с конным полком, ближе приль-
нулись котельниковцы и бригада Кругля-
кова.

В самый короткий срок товарищ Сталин
из чрезвычайного уполномоченного по про-
дольствости становится фактическим ру-
ководителем всех красных сил царицын-
ского фронта.

Я, будучи комиссаром царицынского
фронта, работал под руководством то-
варищей Сталина и Ворошилова, наблюдал
огромные организаторские способности
товарища Сталина, его кипучую, поистине
человеческую энергию, его ум, ясность,
предвидение, умение быстро оценить об-
становку, делать вывод, принимать реше-
ние.

Через несколько дней приехал из Ца-
рицына Климентий Ефремович и объявил
приказ за подписью товарища Сталина, в
котором все части сводились в единую
группу под командованием товарища
Ворошилова.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ОБОРОНА ЦАРИЦЫНА

Генерал Краснов все, что мог, бросил
под Царицын и требовал от командования
Черского фронта взять Царицын во что
бы то ни стало к открытию войскового ка-
зачьего круга — 15 августа 1918 года.

4 августа 1918 года в своем докладе
Ленину товарищ Сталин писал:

«Положение на Юге не из легких. Во-
енный Совет получил совершенно рас-
строенное наследство, расстроено от-
части инертностью бывшего Военрука, от-
части заговором приклеванных Военир-
ком лиц в разные отделы Военного
Округа. Пришлось начинать все сызнова,
наладить дело снабжения, постави-
ли Оперативный Отдел, связались со все-
ми участками фронта, отменили старые,
я бы сказал, преступные приказы, и
только после этого повели наступление
на Калач и на Юго-вост. сторону (Тихо-
рецкая). Наступление повели в надежде,
что северные участки Миронов, Кик-
видзе, Поворонский участок обеспече-
ны от разгрома. Между тем, оказалось,
что эти участки наиболее слабы и не-
обеспечены. Вам известно отступление
Миронова и других на северо-восток,
захват казаками всей железнодорожной
линии от Лисок до Алексинова, пере-
броска отдельных партизанских ка-
зачьих групп в сторону Волги, попытка
последних прервать сообщение по Волге
между Камышином и Царицыном».

Обстановка на фронтах становилась с
каждым днем все напряженнее и опас-
нее, — товарищ Сталин принимает героиче-
ские меры для спасения Царицына.

КАК БЫЛА ОРГАНИЗОВАНА ПОБЕДА

Того же 11 августа был отдан приказ
№ 14 по войскам Северо-Кавказского

округа за подписью товарищей Сталина
и Ворошилова, который начинался так:

«Завоеваниями Октябрьской революции
грозила смертельная опасность. Чехо-сло-
ваки на востоке, англо-французы на се-
вере и на побережьях Каспия, крас-
новско-германские банды на юге угро-
жают низложить советскую власть, от-
нять землю у крестьян, раздавить сво-
бодный пролетариат и посадить на спи-
ну трудящихся буржуазия, помещиков,
коннозаводчиков и генералов».

Царицын окружается. Царицын может
пасть.

Южная армия окажется тогда отрезан-
ной, она может лишиться боевых при-
пасов и ее могут разбить и раздавить
по частям...».

Ввиду этого предпринималось Шевкоч-
лову организационно отойти на линию
Котельниково—Курмыорска; Колпакову со
своей группой до 5 тысяч бойцов дви-
гаться к станции Иловля. Вторую группу
в составе 3 тысяч человек предприни-
мается тому же Шевкочлову погрузить в ва-
гоны и направить в Царицын в распоря-
жение Военного Совета. Котельниковцам,
под командой Штегера, предпринималось
подвинуться к северу и соединиться с жу-
товским боеучастком.

Боевые задачи были даны и другим
частям.

Искусство — Красной Армии и Флоту

Оборонная драматургия

К двадцатилетию Красной Армии советская драматургия приходит со значительным репертуаром, отражающим вели-

Б. РОМАШОВ

кую историю гражданской войны и армейскую жизнь мирного времени. Но надо прямо сказать — материал великого прошлого, и особенно современной Красной Армии, только начинает претворяться в драматических произведениях с достойной глубиной и выразительностью. Величайшие картины героического прошлого требуют для своего воплощения монументальных форм драматургической живописи. Образы исторических деятелей революционной борьбы могут быть правдиво изображены в драме только художником, способным создавать крупные характеры, умеющим воссоздавать героический народный дух.

В таких произведениях, как «Чапаев» и «Мы из Кронштадта», кино стало на путь осуществления этих больших задач. Раздвигая рамки сценического действия, захватывая огромные пространства, кино привлекает внимание зрителя к широкому разветвленному событию и обрисовывает глубокие душевные переживания героев. Эти произведения приближают к нам историческую перспективу — голоса героев звучат близко. Мы точно видим этих людей в наши дни, их подвиги перекажутся к славным делам новых героев-летчиков, полярников, стратонавтов, пограничников, совершаемых в благородном порыве ради счастья и славы своей родины.

Оборонная драматургия только начинает овладевать приемами монументального мастерства. В таких пьесах, как «Гибель аскара», «Оптимистическая трагедия», «Бронепоезд», «Любовь Яровая», «Интервенция», нащупаны пути широкого освещения исторических событий. Но образы героев еще не обладают глубиной подлинных характеров. Рисунки их сочными и яркими приемами, драматургии, однако, допуская еще в этих портретах слишком много индивидуально ограниченного, не поднимаются до обобщения подлинно типичного.

Разумеется, эта задача настолько грандиозна, что нельзя требовать от талантливого мастера полного ее разрешения в его первой смелой попытке. Но драматургия должна научиться создавать такие образы! Сприкосновение искусства с былинным эпосом, с его приемами монументализации и типизации образа в значительной мере обогатит ее технику и мастерство. Этим же приемам нужно учиться у больших мастеров мировой драматургии.

Образы великих революционеров-большевиков, командиров Красной Армии, чьи имена уже стали легендарными, должны предстать в исторической драме во всем богатстве их личной одаренности, со всей целеустремленностью их характеров.

Литературная критика очень мало интересуется вопросами драматургического мастерства и оставляет без внимания значительные явления оборонной драматургии. В условиях возрастающей угрозы со стороны фашистских государств мысль советского художника все энергичнее обращается к оборонной проблематике. Число оборонных писателей растет с каждым годом, и самый характер оборонной драматургии становится все разнообразнее и шире.

Кроме фильма Е. Дангана и Вс. Вишневского «Мы из Кронштадта», романа фильма Вс. Вишневского «Мы, русский народ» и ярко написанной трагедии из эпохи гражданской войны «Земля» Н. Вирта, за последние годы написаны пьесы: «Я, сын трудового народа» В. Катаева, «Кочубей» А. Первенцева и ряд пьес, непосредственно отражающих сегодняшний день Красной Армии. Назовем, например, такие пьесы, как «Дружба» В. Гусева, «Пограничники» В. Билль-Велоцерковского, «Наши дни» С. Ващенко, «Дорога на юг» И. Прута, «Бойцы» Ромашова.

Оборонная тематика становится не только чрезвычайно разнообразной, но и ведущей в советской драматургии. Различна художественная манера писателя, различен и самый жанр оборонных пьес. Одни из них затрагивают вопросы военной жизни, учебные, бытовые, другие — обращаются в глубь истории, третьи разрабатывают оборонную тематику в формах психологической драмы, выдвигая проблемы советского патриотизма и мобилизационной готовности населения Советского Союза.

Наиболее трудным является изображение современной Красной Армии, ее полных героизма будней, ее замечательных людей. Современная Красная Армия, при пристальном, внимательном изучении ее, раскрывает необычайную богатую и свежую материал для творчества драматургов. Важно понять, какой прекрасной школой новой армейской интеллигенции является Красная Армия, воспитывающая в человеке мужество, стойкость. Множество подлинно героических подвигов совершено ее людьми. Эти подвиги — прекрасные драматургические сюжеты, а люди, их совершившие, — прообразы для создания новых сценических характеров.

У нас мало пьес о современной Красной Армии, а мы должны создать о ней произведения самых разнообразных жанров, начиная от драмы и комедии с ярко очерченными характерами до романтической пьесы и веселых одноактных пьес бытового характера.

Мы часто забываем о великой роли жизнеутверждающего смеха. Мы слишком отходим от быта нашего времени, забывая, что в этом быту бьется пульс новой, социалистической жизни. Не надо думать, что форма армейской пьесы заставляет ограничиться рамками чисто военных проблем. Интересы Красной Армии исключительно широки, люди ее тесно связаны со всем народом.

Как бы мы ни показывали людей Красной Армии, в быту ли, на строителе, на защите границ, — мы столкнемся с интересами и проблемами, которые волнуют всю страну. Нужно только проникнуть в глубину новых человеческих отношений, которые создаются в армейской среде, нужно уметь подмечать черты новых человеческих характеров, и пред нами во всем многообразии предстанет герой, тот мужественный, простой армейский человек, к которому так применимы слова Софокла: «Он не покинет своего поста во время сражения — доблестный и справедливый боевой товарищ».

Первые наш театр дает образ молодого человека — народного героя, полководца. А. А. Первенцев и Н. П. Охлопков не отступили от исторической правды: комбриг Иван Кочубей был молодой человек. Но я, как артист, этого могу и не знать. На зрителя действует прежде всего образ. Если зритель во время течения спектакля станет спрашиваться с историей и раздумывать, почему это дано так, а не иначе, то «пиши-пропади», спектакль не удался. В этом спектакле, с первой сцены, где появляется Иван Кочубей, зритель верит, что это должно быть так, а не иначе, и образ молодого человека — героя и полководца впервые на нашей сцене получает слабое боевое крещение.

А что за комиссар у Ивана Кочубея? Он так же молод, как его беспартийный комбриг, и состоит в партии с этого года. Но оба они, вопреки своей политической юности и наивности, умеют вести людей. И когда старика называют Кочубея батюшкой, это не вызывает никакого сомнения и не нуждается в оправданиях, как не нуждается в оправданиях и то, что батя без своего «политичного» комиссара мог бы надевать таких вещей, которых делать не следует.

Главное и самое значимое в спектакле — в этой стороне дела, ибо бесконечно важно, что Кочубей и его комиссар Журба — молодые люди. Они поднимают из легендарного прошлого и становятся в ряд с современниками, героями Советского Союза. Они как бы превращают наших молодых людей в легендарное будущее. Они современники, жизненные, необходимые.

П. М. Аржанов создал образ Ивана Кочубея, не появившись ни одному из театральных штампов героического амплуа. Он играет. Что за черт? Разве герои такого рода плачут на сцене? Слышишь за ним и видишь, что он не хочет играть героя, и это покоряет, как покоряет в действительной жизни чистая скромность. Но тут есть своя опасность уйти в такую обычаичность, следом за которой идет не неминуемая спутница — скука. Талантливость тем и отличает, что она делает необычайным. Посмотрите, как Аржанов владеет буркой — это очень важно на сцене уметь владеть специальными вещами, — как он ходит, как он держится с казаками. Конечно, это превосходный воин, которому не нужно показывать своего превосходства. Автор с глубокой любовью написал своего Кочубея, а исполнить и постановщик как бы соревнуется в своем отношении к этому образу с автором. И когда люди работают по-настоящему, искренно, это обязательно дойдет до зрителя. Мы любим Кочубея Ваню (как он сам себя называет) за то, что он дал театру с настоящим чувством, искренно и талантливо.

Что говорить, политические комиссары нашей драматургии не удаются. Всегда они делают что-то очень важное и обязательное, но всегда они по явному заданию автора невольно расходятся, значит риторики, и если рассмотреть действительно высокие поступки, то как-то не так, как все прочие люди, а с какой-то книжностью, даже умирают литературно.

Иван Кочубей

«Кочубей» А. Первенцева и Н. Охлопкова в Камерном театре

Артист П. Аржанов в роли Кочубея.

В этой пьесе есть сцена, когда молодой человек, политический комиссар бригады, встречается со своим отцом. Встретился отец и сын и разговорился в кубанской хате за столом. Это замечательная сцена. Здесь может быть впервые драматургия и театр покажут образ большевистского военного комиссара не по форме, а по существу. А существо сложные формы, и небольшая эта сцена оказывается очень сложной, умной и театральной. Оказывается, что политком действует не «около» Кочубея, а заодно с ним. Люди они разные и жизненные вопросы разрешают по-разному, но от этого возникает не противопоставление их друг другу, а дополнение. Комиссар отнюдь не «идеален», т. е. все человеческое ему не чуждо, но он политичнее Кочубея, грамотнее, он большевик, лучше понимает политическую обстановку. Так он получился необходимым действующим лицом спектакля и благодаря актеру И. Н. Александрову — лицом обязательным, запоминающимся и опять-таки созданным искренно с чувством любви к образу.

Кстати, И. Н. Александров, очевидно по заданию постановщика, говорит свой текст, не прибегая к украинизмам, и это никак не смущает. Увы, смущает и портит спектакль желание театра говорить в самом деле, как говорят кубанские казаки-черноморцы. Для людей, не знающих украинского языка (черноморцы выжили из Запорожья), часто звучит со сцены что-то не очень понятно. А тому, кто знает казачью речь, делается совсем плохо. Между тем Лев Толстой в своих «Казаках» дал классический пример, как следует обращаться с языком в таких случаях. Автор, а за ним и театр могли бы сохранить колорит, красоту, особенность языка, не прибегая к имитации.

Почему бы хоть основным исполнителем не пожить на Кубани? Наши театральные директора умеют тратить деньги на целые версты шпалы и бархата для иных «блестящих постановок», но подобного рода дела, в тысячу раз более важные, чем шпалы и бархат, в их умственный и денежный бюджеты не входят.

«Кочубей» — это инсценировка одноименного романа, которую делал вместе с автором постановщик спектакля. Ничего нет радостного в этих наших бесчисленных инсценировках. В сущности это драматургический суррогат, который, между прочим, растет и множится. Получился спектакль со всеми особенностями такого рода драматургии. Он вдруг загорается и держит в огромном напряжении зрительный зал, вдруг одной сценой поднимается до больших драматических картин, то вдруг замедляет, останавливается и к финалу перестает быть пьесой, превратившись в простую инсценировку прозаического повествования.

А какие прекрасные сцены проходили до этого! Вы увидите сцену у цистерны, с ее сверхкрасочной комедийностью, которую блестяще разыгрывают все исполнители во главе с главными в этой сцене персонажами двух казаков (артисты С. С. Князев и В. А. Дорофеев). Вы увидите сцену «покаяния» эсера перед народом. В этой сцене театр становится политическим трибуной и показывается, как можно и нужно владеть политическим оружием искусства. За одну эту сцену можно многое простить авторам спектакля, сумевшим объяснить сегодняшнее прошлым, но лучше бы все-таки иметь финал, соответствующий подобным сценам. И это тем более досадно, что в этом спектакле мы видим большое мастерство коллектива и постановщика. Если образы так называемых «отрицательных» персонажей трактуются несколько спорно (Черная) или очень уж навязчиво (Батук), то вся масса, идущая с героями спектакля Кочубеем и Журбой, дает полноценный ансамбль. Волodyка (артистка В. Д. Янукова), адъютант Кочубея (арт. Л. Ю. Белогорцев), отец комиссара старый Журба (арт. В. И. Гелоджик) — все это большие самостоятельные работы, верные и радостные.

У нас говорили так! — Найти Охлопкову сцену, и он перестанет фокусничать.

Отчасти это верно, ибо Охлопков создавал массовые представления на «пятатке». Теперь он получил сцену и сохранил свой театр, Камерный театр ему дал сценическую площадку и свет, все остальное, т. е. существо дела, осталось, как оно сложилось, и росло, и совершенствовалось. Из «слияния», конечно, ничего не вышло. Камерный театр существует сам по себе, а Н. П. Охлопков со своим коллективом сам по себе. Может быть мы получим в дальнейшем интересный прелюдент соревнования двух трупп в одном театре? Пока в Камерном театре дан спектакль большого оборонного звучания по теме и реалистический по форме.

Н. П. Охлопков из своего режиссерского опыта взял лучшее, правдивое, чистое и воплотил его в образы и сцены с темпераментом, глубокой любовью и сверхкрасочным талантом.

А сколь значительна эта спектакль — мы сказали в самом начале.
НИКОЛАЙ ПОГОДИН

Пьеса о Ленине

А. Н. Толстой о своих новых произведениях

ЛЕНИНГРАД, 19 февраля. (По телефону от наш. корр.). А. Н. Толстой приступает к работе над пьесой о Владимире Ильиче Ленине. В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» писатель поделился подробностями задуманного им произведения.

— Действие пьесы происходит осенью 1919 г., во время так называемого похода 14 капиталистических держав на молодую Республику Советов.

Железное кольцо интервентов было разорвано в ноябре 1919 г. под Касторной. Здесь был нанесен сокрушительный удар Денкину, прорван фронт. С операции под Касторной началось общее поражение контрреволюционных армий...

В моей пьесе я хочу показать, как великие идеи Владимира Ильича Ленина воплотились в грандиозном плане разгрома интервентов, выработанном товарищем Сталиным, и как был осуществлен этот план полководцами Рабоче-Крестьянской Красной Армии — Ворошиловым и Буденным.

Ленин и Сталин, Ворошилов и Буденный — главные действующие лица в задуманной мной пьесе.

Стремлюсь к показу развития характеров, ограничивая число действующих лиц в пьесе. Но помимо исторических фигур, в пьесе будут действующие и вымышленные лица, — образы этих людей я хочу обобщить мысли и настроения народных масс героической эпохи гражданской войны в СССР.

Финалом пьесы будет замечательный, не описанный еще в литературе, эпизод под Касторной. Редакция «Истории гражданской войны в СССР», а также непосредственные участники операций под Касторной предоставили мне очень интересный материал, часть которого никогда еще не публиковалась.

Работать над пьесой я начинаю в ближайшей дни.

Последней моей работой был сценарий второй серии фильма «Петр I». В киносценарии, как во всяком драматургическом произведении, развитие действия, линия поведения действующих лиц должны совпадать с развитием эмоций зрителей. Если такого контакта нет, если чувства и идеи, которые хочет выразить драматург, не совпадают с чувствами и идеями воспринимаемых зрителем, сценарий или пьеса не являются настоящими произведениями искусства.

Просмотрев с этой точки зрения законченный несколько времени тому назад сценарий второй серии «Петра I», я пришел к заключению, что он требует некоторых поправок. Сейчас этот сценарий заново написан, заменен ряд эпизодов, описаны новые сцены, например путешествие Петра в Германию. В новой редакции обьяснено повеление Алексея по возвращении его в Россию, раскрываются причины, которые привели к известному судебному процессу против Алексея, — эти эпизоды в фильме дополняют пьесу и роман «Петр I».

Сценарий второй серии фильма «Петр I» передан в окончательной редакции киностудии Ленфильм.

Опера «Чапаев»

Молодой московский композитор Б. А. Мокрусов-Марсинин работает над оперой, посвященной легендарному герою гражданской войны Василию Ивановичу Чапаеву.

Среди действующих лиц — великий полетарский полководец В. М. Фрунзе. В оперу введен также ряд новых персонажей, не фигурирующих ни в романе Д. Фурманова, ни в сценарии фильма «Чапаев», — старая казачка, мать чапаевца Саньки и колчакский офицер Попов; один из предателей — комбриг Вихрь и его любовница, дочь уральского кулака, Катенька, и др.

Несколько картин оперы композитором уже закончено.

Образ Ленина в опере

Композитор Тихон Хренников заканчивает работу над оперой «В бурю» по роману Николая Вирта «Одиночество» (автор либретто А. Файко).

— Опера «В бурю», — сообщил нашему сотруднику Т. Хренников, — значительно отличается от романа «Одиночество» и от пьесы «Земля». В опере впервые показывается образ В. И. Ленина.

В Москве опера «В бурю» пойдет в Государственном музыкальном театре им. Невмировича-Данченко. В театре уже идут музыкальные и сценические репетиции оперы, которым руководит народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко. Дирижер оперы проф. Г. Столяров, режиссеры П. Злагов и П. Марков. Художник Б. Волков сдал театру макеты всех 6 картин

оперы. Сейчас он работает над эскизами костюмов.

Премьера оперы «В бурю» состоится осенью 1938 г.

В Ленинграде опера «В бурю» будет показана в постановке театра Оперы и балета им. Кирова. Дирижер народный артист республики А. Павловский, художник И. Рабинович.

Памятник Перекопу

«На севере Перекопского перешейка крымские ханы каторжным трудом плененный запорожский воиновичи воздвигли гигантское сооружение — Турецкий вал, а перед ним широчайший канал — ров, флангами упирающийся в Черное море и Сиваш» (Блюхер).

Здесь в 1920 г., при содействии иностранных военных инженеров, белые решили устроить нечто вроде Вердена. Две линии сооружений перед Турецким валом, сам вал и четыре линии за ним; тяжелая крепостная артиллерия, масса легких батарей, минометы, бомбометатели, сотни бетонных пулеметных гнезд; колчачья пушнина заградительной проволоки, ямы, рвы, минированные участки; людской состав — гвардейцы и дроздовские офицерские части.

Но Вердена из этого не получилось. Перекоп был взят, Врангель сброшен в море.

Прошло много лет. Недавно на дне соленого Сиваша нашли труп человека. Он был в обмотках, в одежде полукрестянской-полувоенной. На нем были стальные, казенной выделки штаны и сермяжная домашняя свитка. Документ, найденный в кармане гимнастерики, удостоверял, что предвитель сего — красноармеец 15-й стрелковой дивизии по фамилии Иванов. В подмышке и в карманах лежали патроны для трехлинейной винтовки. Он был убит в ноябре двадцатого года, когда шел вброд через Сиваш. Вода доходила до пояса. Винтовку он держал, должно быть, над головой. Дул ветер с моря, грядущая вода наступала. Он шел среди тысячи других. На крутом берегу стоял Фрунзе. Бойцы, входя в воду, приветствовали Фрунзе вразом руки или фуражки.

Вой горел на Литовском полуострове бледными огнями в тумане. Иванов шел, широко расставляя ноги, чтобы не упасть, поскользнувшись на гиллом грунте. Он был уже близок к берегу, когда его сразила пуля...

Но другие пошли, и участь боя была решена. Штурмуемые с фронта — на Турецком валу, белые увидели в тылу у себя пехоту, конницу и артиллерию красных. Они бросают туда, к Караджану, броневики, кавалерию, части резерва. Фрунзе передает по прямому проводу Блюхеру:

— Сиваш заливают водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть от-

резаны. Атаковать и захватить вал во что бы то ни стало!

— Приступаю к исполнению! — отвечает Блюхер, команд 51.

И вот вы стоите где-то воле северо-восточного угла старой турецкой крепости. Над вами небо, облетенное заревом пожара, с севера окутанное дымом постройки города Перекоп. Вечер 8 ноября. Турецкий вал, изрезанный траншеями, изрытый воронками, одетый в проволоку, кудрявый от дыма и пыли. От Перекопы волны идут воинские массы. Здесь, на валу, уже дерутся лицом к лицу. Стремятся в упор. Берут на штык. Отбиваются прикладом. Хватает врага за горло. Тысячи людей, перемешавшихся в тылу боя. Вот командир в кожаной куртке, подпоясанный широким ремнем. Рядом с ним только что ранен в грудь молодой боец, светлоглазый юноша с открытой шеей. Вы видите, кто стрелял в него. Наган еще дымится. Вот он — откинул левую руку, седловый офицер в бешмете, матерой волк, дроздовец, бравоый старый убийца. Командир поддерживает одной рукой раненого бойца, в другой руке у него револьвер, он целится, сейчас он нажмет гашетку, в грое и гуле сражения потонет еще один выстрел. Вы знаете — убийца падет, наказанный пулей.

Еще дерутся на валу. За ним, в ближайшем тылу, уже родилось, уже истощено воинство панка. Мчатся какие-то повозки. Отбивают в автомобиле офицеры в иностранных мундирах — должно быть, специалисты по фортификации. Какой-то солдат в погонах направляет штык в спину своего начальника.

Но следователское пополнение колонной бегом направляется на гребень вала. А все-таки ясно: им не удержатся на своем Вердене! Далеко в тылу белых, на самом горизонте, по освещенной последними лучами желтой полоске Сиваша тянется цепочка войск — последние подразделения 15-й дивизии. Литовский полуостров уже наш, у Караджана — бой.

И не останавливается бурный людской поток, advancing укреплению с фронта. Это волнами идут части 51-й дивизии. Идут горняки и заводские с Урала — основатели дивизии, якутские и сибирские крестьяне, пролетарии из Москвы и Петрограда, татары и чуваша, набранные в Казани, доенские шахтеры.

Фрагмент панорамы «Штурм Перекоп». «Отец и сын», работа художника В. Ефанова.

Идет Огневая бригада с большими звездами на шлемах, в длинных шинелях с темными воротниками и красными «разговорками» на груди.

Идет в серых шапках 151-я бригада, в сибирских ушанках с длинными концами — 152-я, разношерстно одетая, кто во что горазд. — 153-я.

Надвигается тучей на низкорослых и злых мохнатых сибирских лошадей 61-й кавалерийский полк. Он выставил вперед пилки и скачет, не разбирая дорог.

Мчатся звездочносцы 9-го кавполка. Он без пилки. Розовым пламенем обито летучее серебро шляпок.

Черным фонтаном поднимает землю фуфусы. Дрожат стволы пулеметов. Из тумана, далеко, вырывается орудиный блеск. На самой верхушке вала, один — между небом и землей, на мигновенье астыль человек со штыком, направленным вниз...

Вы видите — это победа. Настоящая победа, взятая в бою, завоеванная страшным напряжением сил, сокрушительной волей и революционной энергией.

на Турецком валу. В 3 часа ночи 9 ноября Блюхер разпоротал Фрунзе:

— Перекоп взят. Наступаем на Армянский баар.

Прошло 17 лет. Время идет, страшное время наших побед. Но то мигновенье осталось — в памяти и на полотно. И ясно: чтобы победить врага, нужно его ненавидеть, как ненавидели его бойцы Перекопы. Нужно, чтобы был план, как тот, которым руководствовался Фрунзе. Нужно, чтобы Сталин создал Каховский плацдарм и партия дала бойцам лазутки: «Не допустить зимней кампании, уничтожить Врангеля!».

На полотно изображено чудо. Всякий подвиг чудесен. Человек совершает нечто, превышающее человеческие силы. Краски рассказывают. Семь подрыльников взяли каждый по пуду пироксилина. С этим запасом они полезли по мерзлой, кочковатой, колочей земле. Рядом падали снаряды. Свистели пули. Одной пули было достаточно, чтобы человек со своим страшным запасом разлетелся в пыль. Они ползали долго, и минуты должны были им казаться длинными, как жизнь. Они подобрались к валу и положили пироксилин под проволочные заграждения. Он взорвался. В заграждениях сделался прорыв. Но поторо не семи были при этом ранены.

В другом месте люди пошли прямо на проволоку. Первым — комиссар полка Белобородов. Он сбросил с плеч шинель, кинул ее на проволоку, попола. Он успел крикнуть: «Вперед, товарищи!» — и умок, пронзенный пулей. В 51-й дивизии было три тысячи пятьсот коммунистов.

На круглой площадке, в центре панорамы, можно простоять час, день. Вы забываете, что это только макет. Люди на переднем плане, которые должны быть в натуральном росте, сейчас в пять раз меньше. Лица едва намечены. Между тем, это будут портреты. Мы увидим тех, кто бился, кто погиб среди проволочной пушники Перекопского вала.

Это будет грандиозное сооружение. Тема Перекопы — огромна, ее оказалось невозможным вместить даже в такое емкое произведение, как панорама. Пришлось делаться еще четыре диорамы.

Чонгар. Белые, отступая, сожгли деревянный мост. Он глеет еще. Бойцы переправляются на крымскую сторону. Кто-то тащит доску, крестьянин на водах везет к берегу бревно, несколько красноармейцев отплывают в лодке. Оттуда, с белой стороны, прилетел снаряд. Вода залетела, есть убитые. Видно: ничто, ни водная преграда, ни вражеский огонь, не остановит этих людей. Все устремлено вперед.

Юнчук — последнее сопротивление белых, отсюда они уже бегут без задержки до самого моря, в Константинополь, к торту на рога. Маяковский об этом писал так:

плыли
завтрашние галлиполици,
плыли
вчерашние русские...

Гибель Врангеля началась еще раньше Перекопы, в Таврии, когда Конная армия погнала его кавалерию, разгромив ее у села Отрада. И вот — великолениное зрелище конной атаки. Лавою несутся бреденновцы. Возле мельницы, на возвышении, столкнулись противники. Неостановимо могучее движение красной конницы. Боем командуют Ворошилов и Буденный. Здесь легендарный Пархоменко. Яростный, решающий бой. Победить, победить во что бы то ни стало! И победа взята с бою, она завоевана — вы видите это на полотно — смеლობа и кровью сынов родины.

«Панорама» — значит, все вижу. Картина ограничена с четырех сторон рамой. Панорама пишется на цилиндрическом полотно, ее нижний край переходит в натуру. Емкость такой живописи необыкновенна. Выразительность — сверхчеловечья. Камерный сюжет не нуждается в панораме. Это искусство большой темы. Тема перекопской панорамы и четырех окружающих ее диорам — победа. Красная Армия рабочих и крестьян возьмет любую крепость, как взятия Перекоп. В этом высочайший смысл работы художников.

Макет панорамы «Штурм Перекопы» писал Г. К. Савицкий, В. П. Ефанов, Н. П. Хренников, «Чонгар» делал Г. Н. Горелов и А. Б. Муликов. Диорамы «Бой у Юнчука» написал и белое белых иллюстрил А. В. Моравов и А. А. Пржевальский.

«Переход через Сиваш» и «В. В. Потанов и В. В. Кравченко. Диорама «Конная армия в тылу у белых» принадлежит кисти П. П. Соколова-Скала и М. М. Соловьева.

С. НОВИКОВ

